

БЮЛЛЕТЕНЬ

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 9
сентябрь
2017 г.

*Выходит
ежемесячно*

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 25 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 6 июля 2017 г.

Об избрании секретаря Пленума Верховного Суда Российской Федерации

В соответствии с пунктом 4 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

Избрать секретарем Пленума Верховного Суда Российской Федерации судью Верховного Суда Российской Федерации Момотова Виктора Викторовича.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 26 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 6 июля 2017 г.

Об избрании членов Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации

Руководствуясь пунктом 7 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, а также в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Положения о Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 5, Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

Избрать членами Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации следую-

щих судей Верховного Суда Российской Федерации:

Боровикова Владимира Петровича
Воронова Александра Владимировича
Кириллова Вячеслава Сергеевича
Кочину Ирину Геннадьевну
Самуйлова Сергея Владимировича.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Гражданин, которому земельный участок был предоставлен на праве постоянного (бессрочного) пользования для ведения садоводства до введения в действие Земельного кодекса РФ 2001 года, вправе бесплатно получить его в собственность. Если такое лицо при жизни не воспользовалось своим правом, то это право может быть реализовано его наследниками лишь при условии, что они стали собственниками зданий, строений и сооружений, расположенных на данном земельном участке

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 21 июня 2016 г. № 59-КГ16-7*

(Извлечение)

С. обратился в суд с иском к администрации города об обязанности ответчика предоставить в собственность бесплатно земельный участок, расположенный на территории садоводческого товарищества, указав в обоснование заявленных требований следующее. Испрашиваемый земельный участок входил в состав земель, закрепленных на основании решения местного горисполкома за садоводческим товариществом. С 1974 года этот земельный участок использовал его отец, являясь членом названного садоводческого объединения, с 1995 года участок использовал С. Истец полагал, что имел право на получение указанного земельного участка в собственность бесплатно в порядке п. 4 ст. 28 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан”. Как указывал истец, он был лишен возможности оформить испрашиваемый участок в собственность, поскольку его отец не значился в списках землепользователей товарищества, а его членская книжка садовода была утрачена. Данные обстоятельства явились основанием для отказа ответчика в предоставлении истцу испрашиваемого земельного участка в аренду.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что спорный земельный участок был предоставлен отцу истца с 1974 года как члену садоводческого товарищества, в связи с чем указал, что С. как наследник и фактический землепользователь данного участка имел право на предоставление ему в собственность спорного земельного участка на основании п. 4 ст. 28 вышеназванного Федерального закона.

Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводами суда первой инстанции о необходимости передачи спорного земельного участка в собственность истца, указал, что поскольку было установлено то обстоятельство, что отец истца был

членом товарищества и пользовался участком, а после его смерти участком пользовались сначала его вдова, а затем сам истец, то и последний имел право на получение земельного участка в собственность на основании п. 4 ст. 28 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ и п. 9¹ ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации”.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 21 июня 2016 г. не согласилась с указанными выводами нижестоящих судов по следующим основаниям.

Пунктом 4 ст. 28 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” (в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г.) предусмотрено, что в случае, если земельный участок, составляющий территорию садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения, предоставлен данному некоммерческому объединению либо иной организации, при которой до вступления в силу названного Федерального закона было создано (организовано) данное некоммерческое объединение, гражданин, являющийся членом данного некоммерческого объединения, имеет право бесплатно приобрести в собственность земельный участок, предоставленный ему в соответствии с проектом организации и застройки территории данного некоммерческого объединения либо другим устанавливающим распределение земельных участков в данном некоммерческом объединении документом. Предоставление в указанном случае такого земельного участка в собственность этого гражданина осуществляется исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления, обладающими правом предоставления такого земельного участка, на основании заявления этого гражданина или его представителя.

По смыслу указанной нормы для удовлетворения требования заинтересованного лица, испрашивающего участок в собственность, суду следует установить, что участок входил в территорию садоводческого объединения, выделенную до введения в действие Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ, и что это лицо являлось членом такого объединения.

Суд апелляционной инстанции признал установленным, что членом товарищества являлся отец истца, а с иском о передаче в собственность земельного участка обратился С. Тот факт, что членом товарищества был отец С., а истец являлся его наследником по закону, сам по себе не является основанием для передачи спорного земельного участка бесплатно самому истцу. Реализовать такое право на основании п. 4 ст. 28 на-

званного Федерального закона истец мог только в том случае, если на момент обращения в городскую администрацию либо с иском заявлением в суд он являлся членом товарищества. Данное юридически значимое обстоятельство не было предметом исследования суда апелляционной инстанции.

Ссылка суда апелляционной инстанции на положения п. 9¹ ст. 3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” как на основание удовлетворения иска С. является несостоятельной.

Согласно абз. 1 и 3 п. 9¹ ст. 3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации”, если земельный участок предоставлен до введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного или индивидуального жилищного строительства на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования, гражданин, обладающий этим земельным участком на указанном праве, вправе зарегистрировать право собственности на него, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такой земельный участок не может предоставляться в частную собственность.

Граждане, к которым перешли в порядке наследования или по иным основаниям права собственности на здания, строения и (или) сооружения, расположенные на земельных участках, указанных в названном пункте и находящихся в государственной или муниципальной собственности, вправе зарегистрировать права собственности на такие земельные участки, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такие земельные участки не могут предоставляться в частную собственность.

По смыслу указанных норм бесплатно в собственность мог быть передан земельный участок, предоставленный гражданину на праве постоянного (бессрочного) пользования для ведения садоводства до введения в действие в 2001 году Земельного кодекса РФ. При этом получить в собственность земельный участок могло только лицо, которому этот участок был предоставлен. В случае если такое лицо при жизни своим правом не воспользовалось, то данное право могло быть реализовано его наследниками, но лишь в том случае, если они стали собственниками зданий, строений и сооружений, расположенных на таких земельных участках.

По настоящему делу указанные выше обстоятельства судом апелляционной инстанции не устанавливались, а потому вывод суда о возможности передачи истцу земельного участка в собственность бесплатно на основании п. 9¹ ст. 3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” ничем обоснован не был.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и направила

дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

2. При разрешении вопроса об ответственности исполнителя услуги за ненадлежащее хранение транспортного средства необходимо установить, является ли место постановки автомобиля парковкой или стоянкой, для чего суду следует исходить из конкретных обстоятельств дела

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 7 июня 2016 г. № 71-КГ16-3*

(Извлечение)

Л. обратилась в суд с иском к ООО “СКАМ” о возмещении убытков в связи с повреждением автомобиля при хранении на автостоянке, указав при этом, что на охраняемой автостоянке ответчика в результате поджога, совершенного неустановленным лицом, сгорел принадлежащий ей автомобиль. По данному факту было возбуждено уголовное дело, по которому она была признана потерпевшей, однако лицо, совершившее поджог, установлено не было.

Поскольку ответчик не обеспечил надлежащее хранение автомобиля, истец просила взыскать с него материальный ущерб.

Удовлетворяя требования истца, суд первой инстанции исходил из доказанности того, что между истцом и ответчиком путем совершения действий по сдаче-принятию автомобиля на хранение был заключен договор хранения. Суд также указал на то, что ответчиком, фактически принявшим автомобиль на хранение, не было принято должных мер к обеспечению его сохранности, не обеспечены надлежащее его содержание, а также контроль за качеством охраны объекта.

Отменяя заочное решение районного суда, суд апелляционной инстанции сослался на то, что доказательства заключения сторонами договора хранения автомобиля не представлено. Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что территория, на которой находился автомобиль истца, является не автостоянкой, а парковкой.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 7 июня 2016 г. выводы суда апелляционной инстанции признала ошибочными по следующим основаниям.

Согласно п. 21 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ парковкой (парковочным местом) является специально обозначенное и при необходимости обустроенное и оборудованное место, являющееся в том числе частью автомобильной дороги и (или) примыкающее к проезжей части и (или) тротуару, обочине, эстакаде или мосту либо являющееся частью подэстакадных или подмостовых пространств, площадей и иных объектов улично-дорожной сети, зданий, строений или сооружений и предназначенное для организованной стоянки транспортных средств на платной основе или без взимания платы по решению собственника или иного владельца автомобильной дороги, собственника земельного участка либо

собственника соответствующей части здания, строения или сооружения.

Аналогичное определение парковки содержится в п. 1.2 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее — Правила дорожного движения).

Из приведенных положений нормативных актов следует, что парковка, как правило, является принадлежностью автомобильной дороги, подэстакадных или мостовых пространств, площадей и иных объектов улично-дорожной сети, зданий, строений или сооружений, создается как элемент их благоустройства и выполняет вспомогательную роль по организованной стоянке транспортных средств.

Деятельность автостоянок регулируется Правилами оказания услуг автостоянок, утвержденными постановлением Правительства РФ от 17 ноября 2001 г. № 795, п. 2 которых установлено, что автостоянкой являются здание, сооружение (часть здания, сооружения) или специальная открытая площадка, предназначенные для хранения автотранспортных средств.

В силу п. 32 названных выше Правил оказания услуг автостоянок в случае утраты (хищения), повреждения или нарушения комплектности автотранспортного средства при хранении на автостоянке исполнитель обязан возместить убытки, причиненные потребителю, если иное не предусмотрено договором. В случае, если в результате повреждения, за которое исполнитель несет ответственность, качество автотранспортного средства изменилось настолько, что оно не может быть использовано по назначению, потребитель вправе от него отказаться и потребовать от исполнителя возмещения стоимости этого автотранспортного средства, а также других убытков, если иное не предусмотрено договором.

Таким образом, автостоянкой являются специально предназначенные для хранения автотранспортных средств отдельная открытая площадка, здание, сооружение, а также часть здания или сооружения. В силу прямого указания специального нормативного акта исполнитель услуг отвечает за ненадлежащее хранение автотранспортного средства, если иное не предусмотрено договором.

При разрешении вопроса о том, является ли место постановки автомобиля парковкой или стоянкой, суду следует исходить из конкретных обстоятельств дела, свидетельствующих о назначении данной площадки, здания, сооружения, части здания или сооружения, в частности из самостоятельности, обособленности данных объектов либо из их принадлежности к другим объектам улично-дорожной сети, зданиям, строениям, сооружениям, из их обозначения на местности, ограждения, оборудования, охраняемости, организации въезда и выезда транспортных средств и их учета, а также других обстоятельств, характеризующих назначение постановочного места.

В случаях оказания организацией либо индивидуальным предпринимателем платных услуг по

предоставлению места для постановки транспортных средств гражданам, использующим их для личных, семейных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, на данные правоотношения распространяются как положения Гражданского кодекса РФ, так и Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон о защите прав потребителей) в части, не урегулированной специальными законами.

В силу п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Обязанность доказывать надлежащее исполнение приведенного требования Закона возложена на исполнителя.

Согласно п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными.

В соответствии с Правилами оказания услуг автостоянок в случае если оказание услуги предусматривает возможность многократных въездов на автостоянку и выездов с нее, при заключении договора оформляется постоянный пропуск, в котором указываются марка, модель и государственный регистрационный знак автотранспортного средства, номер места на автостоянке, срок действия пропуска (п. 11).

При кратковременной разовой постановке автотранспортного средства на автостоянку (на срок не более одних суток) заключение договора может быть осуществлено путем выдачи потребителю соответствующего документа (сохранной расписки, квитанции и т.п.) с указанием государственного регистрационного знака автотранспортного средства. Копия указанного документа остается у исполнителя (п. 12).

Таким образом, обязанность надлежащего оформления документов, а равно учета полученных от клиентов денежных средств возложена на исполнителя услуг.

Факт нахождения сгоревшего автомобиля истца на территории ответчика, а соответственно факт постановки автомобиля истцом и принятия его ответчиком судом был установлен и ответчиком не оспаривался.

Судом было также установлено, что данная территория являлась обособленной, охраняемой, имела ограждение, была оборудована въездом с контрольно-пропускным пунктом.

Из договоров на передачу ответчику в аренду городских земель следовало, что земельный участок предоставлялся ответчику именно под строительство и эксплуатацию открытой автостоянки. Эксплуатация автостоянки являлась одним из основных видов деятельности ответчика.

Как указывала истец, ответчик принял автомобиль на хранение, за что она уплатила або-

нентскую плату за один месяц, однако квитанция, являвшаяся одновременно пропуском для въезда на автостоянку и выезда с нее, сгорела вместе с автомобилем.

В подтверждение своих доводов истец представила имевшийся у нее незаполненный корешок квитанции ООО «СКАМ» на оплату услуг по хранению автотранспорта.

Возражая против иска и ссылаясь на то, что автомобиль истца был принят не на условиях договора хранения, а на условиях предоставления парковочного места, ответчик не представил никаких данных в подтверждение этого обстоятельства, в том числе и данных о размере полученной от истца платы и основаниях ее внесения. Не было представлено ответчиком и доказательств предоставления потребителю информации о принятии автомобиля только на условиях парковки без услуги хранения, в то время как, по утверждению истца, из обстановки следовало, что автомобиль принимается на хранение.

Ссылаясь на отсутствие у истца письменного договора и квитанции об оплате, суд апелляционной инстанции не дал оценки тому, что обязанность по оформлению договора оказания услуги и кассово-бухгалтерскому учету оплаты услуги лежит на исполнителе, а утрата квитанции сама по себе не является основанием для лишения потребителя прав, предусмотренных законом.

Отменяя решение суда и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции сослался на представленные ООО «СКАМ» Правила оказания услуг автостоянки, утвержденные директором этого общества, в которых указано, что исполнитель не несет ответственности за утрату или повреждение транспортного средства, а также на договоры аренды парковочных мест, заключенные ответчиком с другими лицами, и приходные кассовые ордера по их оплате.

Между тем суд апелляционной инстанции не учел, что в соответствии с приведенным выше п. 32 Правил оказания услуг автостоянок, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17 ноября 2001 г. № 795, исполнитель услуг автостоянки несет ответственность за хранение автотранспортных средств, если иное не установлено договором.

Доказательств того, что истец была ознакомлена с представленными ответчиком Правилами оказания услуг автостоянки, а также того, что с ней заключался договор аренды парковочного места, ответчиком не представлено.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для привлечения ответчика к ответственности за ненадлежащее оказание услуг применительно к установленным обстоятельствам дела противоречит приведенным выше нормам материального права.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила апелляционное определение с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. В случае, когда залогодержатель знал или должен был знать о том, что предмет залога является одновременно предметом договора выкупного лизинга, залог предмета лизинга прекращается после исполнения добросовестным лизингополучателем обязательства по уплате всех лизинговых платежей

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 16 ноября 2016 г. № 309-ЭС16-9488*

(Извлечение)

На основании договора выкупного лизинга общество (лизингодатель) приобрело и передало предпринимателю (лизингополучателю) транспортное средство.

Впоследствии общество (залогодатель) и банк (залогодержатель) заключили договор залога названного транспортного средства в обеспечение исполнения обязательств третьего лица перед банком.

До истечения срока договора выкупного лизинга на основании соглашения о расторжении этого договора предприниматель произвел платеж обществу в 1 млн. рублей, который был определен сторонами в этом соглашении как последний в целях приобретения в собственность предмета лизинга. В соглашении также указано, что общество уведомляет предпринимателя о том, что транспортное средство находится в залоге у банка.

Ссылаясь на то, что общество и банк отказали ему в передаче паспортов транспортных средств, предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к банку о признании права собственности на транспортное средство и о признании прекратившимся (отсутствующим) права залога у банка в отношении этого транспортного средства.

Решением арбитражного суда первой инстанции удовлетворено требование предпринимателя в части признания права собственности на транспортное средство, в удовлетворении требования о признании отсутствующим права залога отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части отказа в удовлетворении требования о признании отсутствующим права залога, в указанной части требования предпринимателя удовлетворены.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 16 ноября 2016 г. отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Подпунктом 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ (в ред. от 21 декабря 2013 г.) предусмотрено, что залог прекращается, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не

должно было знать, что это имущество является предметом залога.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 25 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 10 “О некоторых вопросах применения законодательства о залоге”, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ), не может быть обращено взыскание на заложенное движимое имущество, возмездно приобретенное у залогодателя лицом, которое не знало и не должно было знать о том, что приобретаемое им имущество является предметом залога.

В соответствии с правовой позицией, содержащейся в п. 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 17 “Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга”, в том случае, когда залогодержатель знал или должен был знать о том, что предмет залога является одновременно предметом договора лизинга, надлежащее исполнение лизингополучателем обязательств по уплате всех лизинговых платежей, предусмотренных договором лизинга, означает прекращение договора лизинга в связи с надлежащим исполнением его сторонами своих обязательств (ст. 408 ГК РФ), вследствие чего залог предмета лизинга прекращается применительно к п. 2 ст. 354 ГК РФ, при этом положения ст. 353 ГК РФ к отношениям сторон применению не подлежат.

Договор залога между обществом и банком заключен после заключения договора лизинга и передачи предмета лизинга предпринимателю. В нарушение требований п. 3 ст. 18 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ “О финансовой аренде (лизинге)” общество (лизингодатель) не предупредило предпринимателя (лизингополучателя) о заключении договора залога в отношении предмета лизинга, проинформировало о залоге в связи с получением от предпринимателя всех платежей по договору лизинга, в том числе выкупных.

Согласно представленным в дело доказательствам до указанного момента предприниматель, во владении и пользовании которого находилось спорное транспортное средство, не знал и не мог знать о том, что оно находится в залоге у банка.

Банк при должной степени заботливости и осмотрительности, как разумный участник делового оборота, заключая договор залога транспортных средств, мог и должен был установить, что транспортные средства находятся во владении иного лица, а не общества, и выяснить основания владения.

Ввиду того, что предприниматель в соответствии с условиями договора лизинга внес все лизинговые платежи, в том числе выкупные, к нему перешло право собственности на предмет договора лизинга и прекратилось право залога у банка, который должен был знать о том, что транспортные средства находятся во владении и пользовании предпринимателя на основании договора лизинга.

2. Преимущественное право приобретения имущества должника, предусмотренное п. 2 ст. 179 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, может быть реализовано только в случае, если производство по делу о банкротстве ведется по правилам, установленным параграфом 3 главы IX названного Закона для банкротства сельскохозяйственных организаций

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 ноября 2016 г. № 310-ЭС16-8192

(Извлечение)

Решением суда первой инстанции общество (должник) признано несостоятельным (банкротом). Процедура банкротства проводилась по общим правилам Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) без применения особенностей, установленных главой IX данного Закона.

По результатам торгов, на которые было выставлено имущество общества, победителем признана компания, с которой конкурсным управляющим заключен соответствующий договор купли-продажи.

Фирма, являвшаяся участником торгов, обратилась в арбитражный суд с иском к обществу и компании о переводе на истца прав и обязанностей покупателя по указанному договору купли-продажи. Фирма обосновывала свои требования тем, что, поскольку общество является сельскохозяйственной организацией, фирма как сельскохозяйственная организация в силу п. 2 ст. 179 Закона о банкротстве имеет преимущественное право приобретения имущества общества.

Решением арбитражного суда первой инстанции иски удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено на основании, предусмотренном п. 7 ч. 4 ст. 270 АПК РФ, иски удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 8 ноября 2016 г. отменила постановление суда апелляционной инстанции в части удовлетворения исковых требований и постановление арбитражного суда округа и отказала в удовлетворении иска по следующим основаниям.

Главой IX Закона о банкротстве установлены особенности банкротства отдельных категорий должников — юридических лиц. В параграфе 3 указанной главы определены правила банкротства сельскохозяйственных организаций, в том числе в ст. 177 для целей данного Закона дано понятие сельскохозяйственной организации. Так, должник — юридическое лицо может быть отнесен к категории сельскохозяйственных организаций при наличии двух признаков: основными видами деятельности такого лица являются производство или производство и переработка сельскохозяйственной продукции; выручка лица от реализации такой продукции составляет не менее чем пятьдесят процентов общей суммы выручки.

Данные признаки сельскохозяйственной организации должник должен иметь на момент возбуждения дела о банкротстве и введения в отношении него соответствующих процедур.

Суд при возбуждении дела о банкротстве на основании представленных в дело документов, в том числе финансовой, бухгалтерской отчетности, определяет статус должника и возможность применения к нему специальных норм Закона о банкротстве, установленных для сельскохозяйственных организаций, на что указывает в судебном акте по делу о банкротстве. Таким образом, только в рамках дела о банкротстве возможно определение статуса должника с проведением процедуры банкротства по специальным нормам.

Согласно правилам продажи имущества должника — сельскохозяйственной организации, направленных на сохранение сельскохозяйственного предприятия, рабочих мест в сельском хозяйстве и экономических связей, конкурсный управляющий должен первоначально выставить на продажу на торгах предприятие должника. С этой целью конкурсный управляющий направляет уведомления о продаже предприятия должника, имущества должника лицам, которые в силу п. 2 ст. 179 Закона о банкротстве обладают преимущественным правом приобретения имущества должника.

Преимущественное право приобретения имущества должника, предусмотренное п. 2 ст. 179 Закона о банкротстве, возникает только в том случае, если производство по делу о банкротстве ведется по особым правилам, установленным параграфом 3 главы IX Закона о банкротстве для банкротства сельскохозяйственных организаций.

Спорные торги по продаже имущества должника проводились по общим правилам Закона о банкротстве и на основании Положения о порядке реализации имущества должника, утвержденного собранием кредиторов. Следовательно, при рассмотрении настоящего дела вне рамок дела о банкротстве суды были не вправе делать выводы о том, что должник является сельскохозяйственной организацией и что в отношении части его имущества, которое было выставлено на торги по общим правилам Закона о банкротстве, следует применять правила ст. 179 этого Закона.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 1 “Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации” признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

Решение Верховного Суда РФ от 15 августа 2016 г. № АКПИ16-547, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № АПЛ16-478

(Извлечение)

Согласно п. 1.18 приказа Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 1 “Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации” (далее — Приказ)

при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и решения следователей в порядке, предусмотренном ст. 124 УПК РФ, предписано учитывать, что процессуальное решение по результатам их разрешения обязан принимать руководитель следственного органа, в непосредственном подчинении которого находится должностное лицо, чьи действия (бездействие) и решения обжалуются (абз. 1).

При последующем обжаловании данного решения руководителю вышестоящего следственного органа поручено истребовать у руководителя нижестоящего следственного органа заключение об обоснованности доводов заявителя, а в необходимых случаях изучать материалы проверки либо уголовного дела (абз. 2).

С. обратился в Верховный Суд РФ с административным иском заявлением о признании п. 1.18 Приказа недействующим в той части, в которой его положения не допускают возможности разрешения жалоб на действия (бездействие) и решения следователя и (или) решение руководителя следственного органа, принятое по первоначальной жалобе в порядке, предусмотренном ст. 124 УПК РФ, Председателем Следственного комитета РФ в случаях, когда следователь или руководитель следственного органа не находятся в его непосредственном подчинении.

Верховный Суд РФ 15 августа 2016 г. исковое заявление удовлетворил, указав следующее.

Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции”, вступившим в силу с 3 декабря 2011 г., внесены изменения в Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ “О Следственном комитете Российской Федерации”, ст. 10 которого дополнена ч. 4, предусматривающей, что нормативные правовые акты Следственного комитета РФ, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, подлежат государственной регистрации и опубликованию в порядке, установленном для государственной регистрации и опубликования нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

Статьей 25 названного Закона закреплено, что нормативные правовые акты Следственного комитета РФ, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, принятые до дня вступления в силу данного Федерального закона, подлежат направлению на государственную регистрацию в федеральный орган исполнительной власти в области юстиции.

Следовательно, обязанность Следственного комитета РФ по представлению на государственную регистрацию нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер, распространяется на любые акты вне зависимости от даты их принятия.

Приказ определяет порядок организации процессуального контроля в Следственном комитете

РФ и согласно его преамбуле принят в целях обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, законности при производстве предварительного следствия следственными органами Следственного комитета РФ.

Таким образом, из преамбулы Приказа следует, что он затрагивает права, свободы и обязанности человека и гражданина.

Кроме того, анализ содержания п. 1.18 Приказа позволяет сделать вывод, что его положения носят нормативный правовой характер и затрагивают права граждан.

С учетом содержания Приказа он подлежал направлению на государственную регистрацию в Минюст России в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ. Данная обязанность Следственным комитетом РФ не исполнена.

Частью 4 ст. 10 Федерального закона “О Следственном комитете Российской Федерации” на нормативные правовые акты Следственного комитета РФ, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, распространен порядок, установленный для государственной регистрации и опубликования нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

В соответствии с п. 10 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу, и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров.

Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009, в пп. 10, 11, 19 определено, что государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера.

Государственная регистрация нормативных правовых актов осуществляется Минюстом России, который ведет Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

Федеральные органы исполнительной власти направляют для исполнения нормативные право-

вые акты, подлежащие государственной регистрации, только после их регистрации и официального опубликования. При нарушении указанных требований нормативные правовые акты как не вступившие в силу применяться не могут.

Между тем Приказ, в нарушение приведенных норм не представленный Следственным комитетом РФ на государственную регистрацию в Минюст России, продолжает применяться.

При изложенных обстоятельствах Верховный Суд РФ решил, что административное исковое заявление подлежит удовлетворению, а Приказ — признанию недействующим полностью со дня вступления решения суда в законную силу, поскольку до указанного времени он применялся и на основании этого акта были реализованы права граждан.

2. Абзац 2 п. 5, подп. “е” п. 6, абз. 2 п. 13, п. 15, абз. 2 и 3 п. 19 Порядка отнесения отходов I—IV классов опасности к конкретному классу опасности, утвержденного приказом Минприроды России от 5 декабря 2014 г. № 541, признаны недействующими со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 1 июля 2016 г. № АКПИ16-453,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 27 октября 2016 г. № АПЛ16-407*

(Извлечение)

АО “Открытая инновационная компания” обратилось в Верховный Суд РФ с административным исковым заявлением о признании недействующим приказа Минприроды России от 5 декабря 2014 г. № 541 “Об утверждении Порядка отнесения отходов I—IV классов опасности к конкретному классу опасности”, ссылаясь на то, что оспариваемый нормативный правовой акт противоречит ст. 5, пп. 1, 2 ст. 14 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ “Об отходах производства и потребления”, подп. 5.2.58 Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219, и создает угрозу нарушения прав, свобод и законных интересов административного истца.

В суде представитель АО “Открытая инновационная компания” поддержал заявленные требования и, в частности, пояснил, что оспариваемый нормативный правовой акт возлагает на административного истца не предусмотренную Федеральным законом “Об отходах производства и потребления” обязанность по направлению в территориальные органы Росприроднадзора материалов и документов, подтверждающих класс опасности отходов, сведения о которых содержатся в федеральном классификационном каталоге отходов (ФККО). Кроме того, Порядок не распространяется на отходы V класса опасности, что влечет отказ территориального органа Росприроднадзора в подтверждении отнесения отходов к данному классу и невключение в ФККО, содержит коррупциогенные факторы.

Верховный Суд РФ 1 июля 2016 г. заявленные требования удовлетворил частично, указав следующее.

Статьей 14 Федерального закона “Об отходах производства и потребления” на индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, в процессе деятельности которых образуются отходы I—V классов опасности, возложена обязанность осуществить отнесение соответствующих отходов к конкретному классу опасности. Подтверждение отнесения отходов I—V классов опасности к конкретному классу опасности осуществляется в порядке, установленном уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти (п. 1 ст. 14 названного Федерального закона).

Положением о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации установлена компетенция Минприроды России утверждать порядок подтверждения отнесения отходов I—V классов опасности к конкретному классу опасности (п. 5.2.58).

Как следует из содержания оспариваемого нормативного правового акта, Порядок отнесения отходов I—IV классов опасности к конкретному классу опасности, утвержденный приказом Минприроды России от 5 декабря 2014 г. № 541 (далее — Порядок), устанавливает процедуру подготовки хозяйствующими субъектами документов и материалов отнесения отходов I—IV классов опасности к конкретному классу опасности, их рассмотрения и принятия решения о соответствии вида отходов конкретному классу опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду Росприроднадзором и его территориальными органами.

Абзацем 2 п. 5 Порядка предусмотрено, что вид отходов, класс опасности которого требует подтверждения, признается соответствующим аналогичному виду отходов, включенному в ФККО и Банк данных об отходах и о технологиях использования и обезвреживания отходов различных видов (БДО), и имеющим такой же класс опасности при условии совпадения всех классификационных признаков: происхождение отходов по исходному сырью и по принадлежности к определенному производству, технологическому процессу (наименование технологического процесса, в результате которого образовался отход, или процесса, в результате которого продукция утратила свои потребительские свойства, с указанием наименования исходной продукции), химический и (или) компонентный состав, агрегатное состояние и физическая форма.

В силу подп. “е” п. 6 Порядка для подтверждения отнесения вида отходов к конкретному классу опасности хозяйствующий субъект направляет в территориальный орган Росприроднадзора предложение о соответствии данного вида отходов определенному виду отходов, включенному в ФККО и БДО.

Абзацем 2 п. 13 Порядка установлен срок, в течение которого территориальные органы Росприроднадзора информируют хозяйствующий субъект о результатах рассмотрения материалов о соответствии определенного вида отходов виду отходов, включенному в ФККО и БДО.

Пункт 15 Порядка регламентирует деятельность федерального бюджетного учреждения “Федеральный центр анализа и оценки техногенного воздействия” (ФБУ “ФЦАО”) в случае подтверждения хозяйствующим субъектом класса

опасности вида отходов на основании сведений, содержащихся в ФККО и БДО.

Абзацы 2 и 3 п. 19 Порядка определяют действия территориального органа Росприроднадзора при поступлении заключения от ФБУ “ФЦАО” по направлению хозяйствующему субъекту уведомления о соответствии или несоответствии определенного вида отходов аналогичному виду отходов, включенному в ФККО и БДО.

Согласно п. 2 ст. 14 Федерального закона “Об отходах производства и потребления” подтверждение отнесения к конкретному классу опасности отходов, включенных в ФККО, предусмотренный ст. 20 данного Федерального закона, не требуется.

Между тем названные положения абз. 2 п. 5, подп. “е” п. 6, абз. 2 п. 13, п. 15, абз. 2 и 3 п. 19 Порядка устанавливают обязанность подтверждения отнесения к конкретному классу опасности отходов, включенных в ФККО, что не соответствует указанной норме Федерального закона.

3. Абзац 10 п. 1 письма ФАС России от 28 мая 2015 г. № АД/26584/15 “О разъяснении отдельных положений Федерального закона “О рекламе” признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

Решение Верховного Суда РФ от 18 августа 2016 г. № АКПИ16-546, вступившее в законную силу

(Извлечение)

28 мая 2015 г. ФАС России издано письмо № АД/26584/15 о разъяснении отдельных положений Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ “О рекламе” (далее — Письмо).

Пункт 1 Письма содержит разъяснения нормативных положений ч. 8 ст. 24 Федерального закона “О рекламе”.

ООО “Офталма” обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением о признании недействующими абз. 1, 7, 9 и 10 п. 1 Письма, ссылаясь на их несоответствие действительному смыслу разъясняемых ими нормативных положений, а также противоречие ст.ст. 1, 2, чч. 2, 3 ст. 3 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, ст. 2 Федерального закона “О рекламе”, ст. 1.6 КоАП РФ. Требования мотивированы тем, что оспариваемые положения имеют нормативные свойства и были применены территориальным управлением ФАС России и арбитражным судом при рассмотрении в отношении общества дела об административном правонарушении.

Верховный Суд РФ 18 августа 2016 г. административное исковое заявление удовлетворил частично, указав следующее.

Согласно Положению о Федеральной антимонопольной службе, утвержденному постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331, ФАС России является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим, кроме прочего, функции по принятию нормативных правовых актов и контролю за соблюдением антимонопольного законодательства в сфере рекламы, который с целью

реализации полномочий в установленной сфере деятельности имеет право давать юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам, отнесенным к компетенции службы (п. 1, подп. 6.3).

В соответствии с ч. 8 ст. 24 Федерального закона «О рекламе» реклама лекарственных препаратов в формах и дозировках, отпускаемых по рецептам на лекарственные препараты, методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, а также медицинских изделий, для использования которых требуется специальная подготовка, не допускается иначе как в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий и в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях.

Разъясняя данное законоположение, ФАС России в абз. 10 п. 1 Письма указала: «Таким образом, по мнению специалистов ФАС России, под методами профилактики, диагностики, лечения или медицинской реабилитации понимаются способы, приемы проведения профилактики, диагностики, лечения или медицинской реабилитации». Из содержания оспариваемого абзаца следует, что в нем даны понятия, относящиеся к сфере охраны здоровья, определение которых по действующему законодательству не относится к полномочиям ФАС России.

Отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации, регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Приведенного в Письме понятия методов профилактики, диагностики, лечения, медицинской реабилитации он не содержит. Не имеется такого определения и в иных актах законодательства Российской Федерации.

Полномочия антимонопольного органа на осуществление государственного надзора в сфере рекламы определены в ст. 33 Федерального закона «О рекламе», который также не предоставляет ФАС России право определять указанные понятия.

Следовательно, оспариваемое разъяснение дано с превышением полномочий ФАС России и не соответствует требованиям закона.

Суд установил, что абз. 10 п. 1 Письма приобрел нормативные свойства через правоприменительную деятельность.

Письмо, как указано в его преамбуле, в соответствии с пп. 26, 27, 30, 31 Плана оказания методической помощи территориальным органам ФАС России в 2015 году, утвержденного приказом ФАС России от 31 марта 2015 г. № 219/15, было направлено соответствующим органам, и в силу принципа ведомственной субординации территориальные органы ФАС России обязаны в правоотношениях с рекламодателями, рекламопроизводителями, рекламораспространителями руководствоваться содержащимися в нем разъяснениями.

Данное письмо в части абз. 10 п. 1 было применено в конкретном деле с участием административного истца.

Поскольку в указанной части Письмо принято ФАС России не в связи с реализацией полномочий в установленной сфере деятельности, оно как акт, обладающий нормативными свойствами, ввиду его издания неуполномоченным федеральным органом государственной власти не может в такой части соответствовать действительному смыслу разъясняемых им нормативных положений, что в силу п. 1 ч. 5 ст. 217¹ КАС РФ влечет признание абз. 10 п. 1 этого акта недействующим со дня вступления решения суда в законную силу.

4. Пункт 8 Правил оказания платных образовательных услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 августа 2013 г. № 706, в части увеличения стоимости услуг с учетом уровня инфляции, предусмотренного основными характеристиками федерального бюджета на очередной финансовый год и плановый период, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 5 октября 2016 г. № АКПИ16-782, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10 января 2017 г. № АПЛ16-552

5. Пункт 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2016 г. № АКПИ16-562, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № АПЛ16-477

6. Пункт 4 Единой системы классификации и раздельного учета затрат относительно видов деятельности теплоснабжающих организаций, теплосетевых организаций, утвержденной приказом ФСТ России от 12 апреля 2013 г. № 91, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2016 г. № АКПИ16-643, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 8 декабря 2016 г. № АПЛ16-519

7. Пункт 4.42 Правил ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации, утвержденных положением Банка России от 16 июля 2012 г. № 385-П, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 19 сентября 2016 г. № АКПИ16-665, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22 декабря 2016 г. № АПЛ16-551

Перед присяжными заседателями не могут ставиться вопросы, требующие от них собственно юридической оценки при вынесении вердикта.

Вопрос о наличии или отсутствии у лица умысла на лишение жизни потерпевшего, в том числе о его желании причинить физические страдания и мучения при лишении жизни, разрешается председательствующим судьей единолично

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 1 марта 2017 г. № 59-АПУ17-2СП*

(Извлечение)

По приговору Амурского областного суда от 18 ноября 2016 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Д. осужден по ч. 1 ст. 117, ч. 1 ст. 105 и ч. 2 ст. 167 УК РФ.

На основании вердикта присяжных заседателей Д. признан виновным в истязании, т.е. причинении физических и психических страданий П. путем систематического нанесения побоев, не повлекших последствий, указанных в ст.ст. 111 и 112 УК РФ, а также в ее убийстве и умышленном уничтожении чужого имущества, повлекшем причинение значительного ущерба, совершенном путем поджога.

Как установлено судом, Д., испытывая неприязнь к П. и необоснованно подозревая ее в неверности, решил причинить ей физические и психические страдания путем систематического нанесения побоев. С этой целью он нанес ей побои в один из дней в периоды с 1 по 20 октября 2014 г., 1 января 2015 г., с 7 по 8 февраля 2015 г., 19 апреля 2015 г.

Кроме того, 31 мая 2015 г. Д., находясь в состоянии алкогольного опьянения, после ссоры с П., решил убить ее путем сожжения, а также уничтожить принадлежащий ей автомобиль путем поджога. С этой целью он взял канистру с бытовым растворителем и, понимая, что в результате поджога автомобиля возникнет опасность распространения огня на расположенный рядом деревянный дом и другие дома с находящимися в них людьми, облил растворителем автомобиль и потерпевшую П., после чего совершил поджог, причинив П. термические ожоги, повлекшие ее смерть, которая наступила 6 июня 2015 г. в областной клинической больнице. Также Д. своими действиями уничтожил автомобиль стоимостью 300 тыс. рублей, общепасным способом — путем поджога, причинив значительный материальный ущерб.

В апелляционном представлении прокурор просил об отмене приговора и направлении дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции по тем основаниям, что вердикт присяжных заседателей является неясным и противоречивым, а вопросный лист председательствующим судьей был сформулирован с нарушением требований ст. 338 УПК РФ, поскольку во-

прос № 2-1 о виновности Д. в инкриминированном ему деянии сформулирован таким образом, что он требует собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта, а это недопустимо в силу ч. 5 ст. 339 УПК РФ. Кроме того, признав не доказанным тот факт, что Д., лишая жизни потерпевшую П., “необоснованно подозревал ее в неверности и испытывал к ней неприязнь”, присяжные заседатели тем самым исключили мотив преступления. Данный ответ присяжных сделал невозможным установление мотива преступления, тогда как согласно ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора наряду с описанием преступного деяния, признанного доказанным судом, и другими обстоятельствами должна содержать указание на мотив преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 1 марта 2017 г. отменила приговор по следующим основаниям.

Процедура судопроизводства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, предусмотрена главой 42 УПК РФ.

Как следует из материалов дела, одним из трех основных вопросов по обвинению Д. в убийстве П. председательствующий поставил на разрешение присяжных заседателей вопрос № 2-1: “Доказано ли, что описанные в вопросе № 2 и признанные установленными действия совершил Д., который в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, после ссоры с П., испытывая неприязнь к ней, необоснованно подозревая ее в неверности, желая доставить длительные физические страдания, мучения и особо сильную физическую боль при лишении П. жизни, взял канистру с бытовым растворителем и облил им автомобиль, описанный в вопросе № 2, а также находившуюся в нем на водительском кресле П., после чего поджег их?”.

Присяжные заседатели ответили на этот вопрос положительно, т.е. признали доказанным совершение Д. указанного деяния, за исключением того, что он “испытывал неприязнь к П., необоснованно подозревал ее в неверности, и желал доставить ей длительные физические страдания, мучения и особо сильную физическую боль при лишении жизни”.

Учитывая данный ответ присяжных, судья в приговоре указал, что действия Д. не могут быть квалифицированы по п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.е. как убийство с “особой жестокостью”, и квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Поставив на разрешение присяжных заседателей вопрос в такой формулировке, председательствующий не учел, что вопрос о желании или нежелании подсудимого причинять потерпевшей физические страдания, мучения и особо сильную физическую боль при лишении ее жизни является юридическим, и его разрешение по закону отнесено к исключительной компетенции председательствующего по делу судьи.

Как обоснованно указано в апелляционном представлении, ответив на вопрос о желании или нежелании Д. доставить П. длительные физические страдания, мучения и особо сильную физическую боль при лишении ее жизни, присяжные заседатели вышли за пределы своей компетенции, поскольку эти обстоятельства относятся не к вопросам факта (фактической стороне деяния), а касаются волевого момента как одного из признаков умысла и формы вины (ст.ст. 24, 25 УК РФ), юридическая оценка которого дается судьей в приговоре.

Вывод о наличии или отсутствии у Д. умысла на лишение жизни потерпевшей, в том числе о его желании или нежелании причинить ей физические страдания и мучения при лишении ее жизни, председательствующий мог сделать исходя из фактических обстоятельств, признанных доказанными или не доказанными присяжными заседателями в вердикте.

Кроме того, председательствующим судьей допущены и другие нарушения уголовно-процессуального закона.

Так, согласно ч. 6 ст. 340 УПК РФ после произнесения председательствующим напутственного слова перед присяжными заседателями стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности.

По смыслу закона возражения сторон заявляются в присутствии присяжных заседателей. В их же присутствии председательствующий излагает свое решение по заявленным сторонами возражениям.

Как усматривается из протокола судебного заседания, после произнесения председательствующим напутственного слова адвокатом подсудимого Д. было сделано заявление о наличии у стороны защиты возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности.

Председательствующий предложил присяжным заседателям пройти в совещательную комнату, после чего, в отсутствие присяжных заседателей, выслушал возражения стороны защиты и принял решение (вынес постановление) об их отклонении.

Таким образом, председательствующий лишил возможности присяжных заседателей выслушать возражения стороны защиты, что могло повлиять на их решение при вынесении вердикта.

Данные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные судом первой инстанции, являются существенными и неустраняемыми в суде апелляционной инстанции.

В силу изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановленный с участием присяжных заседателей приговор в отношении Д. и уголовное дело передала на новое судебное разбирательство в тот же суд со стадии судебного разбирательства, в ином составе суда.

1. К уважительным причинам пропуска срока на подачу апелляционной жалобы могут быть отнесены случаи получения лицом, не присутствовавшим в судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела, копии решения суда по истечении срока обжалования или когда времени, оставшегося до истечения этого срока, явно недостаточно для ознакомления с материалами дела и составления мотивированной апелляционной жалобы

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 25 августа 2016 г. № 208-КГ16-33*

(Извлечение)

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда от 14 июля 2015 г. удовлетворено заявление У. На решение суда представителем начальника федерального государственного казенного учреждения “Восточное региональное управление жилищного обеспечения” Министерства обороны Российской Федерации (далее — ФГКУ “Восток-регионжилье”) подана апелляционная жалоба вместе с заявлением о восстановлении пропущенного срока на его обжалование.

Определением Хабаровского гарнизонного военного суда от 14 сентября 2015 г. заявление, рассмотренное по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ, удовлетворено, представителю начальника ФГКУ “Восток-регионжилье” восстановлен срок апелляционного обжалования решения Хабаровского гарнизонного военного суда от 14 июля 2015 г.

Апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 20 октября 2015 г., оставленным без изменения постановлением президиума Дальневосточного окружного военного суда от 27 апреля 2016 г., определение суда первой инстанции отменено, представителю начальника ФГКУ “Восток-регионжилье” отказано в восстановлении указанного процессуального срока.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 25 августа 2016 г. отменила обжалуемые апелляционное определение Дальневосточного окружного военного суда от 20 октября 2015 г. и постановление президиума Дальневосточного окружного военного суда от 27 апреля 2016 г., оставив в силе определение Хабаровского гарнизонного военного суда от 14 сентября 2015 г.

Как усматривается из материалов дела, решением Хабаровского гарнизонного военного суда от 14 июля 2015 г. удовлетворено заявление У. об отпаривании бездействия начальника ФГКУ “Восток-регионжилье”, связанного с непринятием решения о предоставлении заявителю жилищной субсидии. Дело было рассмотрено без участия начальника ФГКУ “Восток-регионжилье” и его представителя.

Копия названного судебного решения была получена ФГКУ “Восток-регионжилье” 27 июля 2015 г.

24 августа 2015 г. представитель ФГКУ “Восток-регионжилье” посредством почтовой связи

направил в гарнизонный военный суд апелляционную жалобу на данное решение суда, а также ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока.

Удовлетворяя данное ходатайство, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что срок подачи апелляционной жалобы был пропущен по уважительным причинам, поскольку начальник ФГКУ “Востокрегионжилье” и его представитель получили возможность ознакомиться с оспариваемым решением суда лишь 27 июля 2015 г.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении ходатайства представителя ФГКУ “Востокрегионжилье”, суд апелляционной инстанции указал, что апелляционная жалоба по делу У. могла быть подана в срок до 20 августа 2015 г., а уважительных причин для ее подачи за пределами этого срока не имелось, с чем также согласился президиум окружного военного суда.

Эти выводы судебных инстанций не основаны на законе.

В соответствии с ч. 2 ст. 321 ГПК РФ, подлежащей применению судом первой инстанции на момент рассмотрения вопроса о восстановлении процессуального срока, апелляционная жалоба может быть подана в течение месяца со дня принятия решения суда в окончательной форме, если иные сроки не установлены этим Кодексом.

В силу ст. 214 ГПК РФ лицам, участвующим в деле, но не присутствующим в судебном заседании, копии решения суда высылаются не позднее чем через пять дней со дня принятия решения суда в окончательной форме.

Согласно ст. 112 ГПК РФ лицам, пропустившим установленный федеральным законом процессуальный срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен.

Судом установлено, что представитель должностного лица не присутствовал в судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела У. Копия мотивированного решения Хабаровского гарнизонного военного суда от 14 июля 2015 г. поступила в ФГКУ “Востокрегионжилье” лишь 27 июля 2015 г., а апелляционная жалоба представителем ФГКУ “Востокрегионжилье” была подана 24 августа 2015 г.

Как разъяснено в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, к уважительным причинам пропуска на подачу апелляционной жалобы могут быть отнесены случаи получения лицом, не присутствовавшим в судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела, копии решения суда по истечении срока обжалования или когда времени, оставшегося до истечения этого срока, явно недостаточно для ознакомления с материалами дела и составления мотивированной апелляционной жалобы.

Эти разъяснения Пленума Верховного Суда РФ являлись обязательными для суда первой инстанции, рассмотревшего дело по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ.

С учетом тех обстоятельств, что представитель ФГКУ “Востокрегионжилье” не присутствовал в судебном заседании по делу У. и достоверно не знал о дате составления мотивированного решения суда, которое было получено ФГКУ “Востокрегионжилье” лишь 27 июля 2015 г., а апелляционная жалоба на решение суда была подана уже 24 августа того же года, гарнизонный военный суд справедливо признал уважительной причину пропуска процессуального срока на подачу апелляционной жалобы, мотивируя свое решение тем, что оставшегося у представителя ФГКУ “Востокрегионжилье” времени с момента получения копии решения суда в окончательной форме было явно недостаточно для составления апелляционной жалобы, что объективно исключало возможность ее подачи в предусмотренный законом месячный срок.

Указанные в судебных постановлениях Дальневосточного окружного военного суда мотивы отказа в удовлетворении ходатайства представителя ФГКУ “Востокрегионжилье” о восстановлении пропущенного процессуального срока нельзя признать обоснованными, а произведенное судами апелляционной и кассационной инстанций ограничение права участника судебного разбирательства на апелляционное обжалование судебного решения противоречит процессуальному закону.

2. Под добровольной сдачей огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств понимается выдача лицом указанных предметов по своей воле или сообщение органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения указанных выше предметов

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 201-АПУ16-18

(Извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 18 февраля 2016 г. А. осужден к лишению свободы в том числе: по ч. 3 ст. 223 УК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ) на срок шесть лет, по ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ) на срок шесть лет.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 19 июля 2016 г. приговор в отношении А. изменила по следующим основаниям.

Согласно примечаниям к ст.ст. 222, 223 УК РФ (в действовавших на момент совершения преступлений редакциях) лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в этих статьях, освобождается от уголовной ответственности по данным статьям. Не может признаваться добровольной сдачей этих предметов их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

По смыслу указанных норм и как разъяснено в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых

веществ и взрывных устройств”, под добровольной сдачей огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств понимается выдача лицом указанных предметов по своей воле или сообщении органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения указанных выше предметов. Выдача лицом по своей воле не изъятых при задержании или при производстве следственных действий других предметов, указанных в ст.ст. 222 и 223 УК РФ, а равно сообщение органам власти о месте их нахождения, если им об этом известно не было, в отношении этих предметов должна признаваться добровольной. При этом закон не связывает выдачу с мотивом поведения лица, а также с обстоятельствами, предшествовавшими ей или повлиявшими на принятое решение.

Как усматривается из материалов дела, А. после его задержания по подозрению в причастности к покушению на террористический акт и действиям по незаконному обороту взрывчатых веществ и взрывного устройства, обнаруженных в автомобиле, припаркованном у мечети, в ходе допроса в качестве подозреваемого сообщил правоохранительным органам о других находящихся в незаконном обороте компонентах взрывного устройства, в том числе о взрывчатом веществе массой около 12 кг 460 г, которые он по поручению М. спрятал на чердаке дома.

До этого момента сведениями об их наличии и о месте незаконного хранения органы следствия не располагали. При проверке показаний на

месте А. указал место хранения данных компонентов взрывного устройства, где они были обнаружены и изъяты.

Таким образом, А. добровольно сообщил органам следствия о месте нахождения взрывчатого вещества и иных компонентов взрывного устройства при реальной возможности их дальнейшего хранения, в связи с чем на основании примечаний к ст.ст. 222, 223 УК РФ из объема его обвинения по ч. 3 ст. 223 УК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ) и ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ) подлежат исключению действия, связанные с незаконным оборотом указанных предметов.

В связи с изложенным Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ на основании примечаний к ст.ст. 222, 223 УК РФ исключила из приговора указание об осуждении А. по ч. 3 ст. 223 УК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ) и ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ) за действия, связанные с незаконным оборотом компонентов взрывного устройства, в том числе взрывчатого вещества массой около 12 кг 460 г, и в связи с уменьшением объема обвинения смягчила А. наказание, назначив по ч. 3 ст. 223 УК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ) и ч. 3 ст. 222 УК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 398-ФЗ), а также по совокупности преступлений.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. При прекращении уголовного дела с согласия обвиняемого последнему необходимо разъяснять правовые последствия принятия такого решения

*Постановление президиума
Забайкальского краевого суда
от 21 апреля 2016 г.*

(Извлечение)

Органами предварительного расследования С. обвинялся по ч. 2 ст. 261 УК РФ в уничтожении лесных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем, совершенном с причинением крупного ущерба. В результате действий С. были уничтожены лесные насаждения и лесному фонду Государственной лесной службы Забайкальского края причинен ущерб на сумму 179 899 руб.

По постановлению Александрово-Заводского районного суда Забайкальского края от 2 июля 2015 г. в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 261 УК РФ, прекращено уголовное преследование с освобождением его от уголовной ответственности

на основании подп. 2 п. 6 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”.

В апелляционном порядке постановление суда не обжаловалось.

В кассационной жалобе С. выражал несогласие с решением суда, вину не признавал и утверждал, что ему не были разъяснены правовые последствия применения в отношении его акта об амнистии. Постановление суда им не обжаловано в апелляционном порядке, поскольку в судебном решении не было указано, что лица, к которым применяется акт об амнистии, не освобождаются от обязанности возместить вред, причиненный в результате совершенных ими противоправных действий.

Президиум Забайкальского краевого суда 21 апреля 2016 г. отменил постановление суда и направил уголовное дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

По смыслу ч. 1 ст. 11 и ст. 15 УПК РФ по уголовным делам, прекращение которых зависит от

волеизъявления лица, суд обязан разъяснить подсудимому юридические последствия прекращения уголовного дела, поскольку это может оказать влияние на принятие им решения воспользоваться либо нет предоставленным правом.

О необходимости разъяснять лицу юридические последствия прекращения уголовного дела изложено и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 “О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности”.

Как усматривается из протокола судебного заседания, ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении С. вследствие акта об амнистии было заявлено государственным обвинителем, против чего подсудимый и его адвокат не возражали.

Вместе с тем в протоколе судебного заседания не отражено, что подсудимому были разъяснены и ему были понятны правовые последствия прекращения уголовного дела по основанию, которое не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление, равно как и положения п. 12 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”, согласно которым лица, подпадающие под действие постановления об амнистии, не освобождаются от обязанности возместить вред, причиненный в результате совершенных ими противоправных действий.

Изложенное свидетельствует о допущенных судом существенных нарушениях уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела¹.

2. Не признается хранилищем в смысле п. 3 примечаний к ст. 158 УК РФ оборудование для охлаждения товара (витрина-холодильник)

*Постановление президиума
Хабаровского краевого суда
от 8 февраля 2016 г.*

(Извлечение)

По приговору Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 4 марта 2015 г. З. осужден по п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ (по эпизоду кражи имущества ООО “И”) и по п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ

(по эпизоду кражи имущества ООО “В”). На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний осужденному назначено лишение свободы сроком на два года.

З. признан виновным в кражах имущества, принадлежащего ООО “И”, на общую сумму 3410 руб., и имущества, принадлежащего ООО “В”, на общую сумму 1662 руб., совершенных с незаконным проникновением в помещение.

В кассационной жалобе З., оспаривая справедливость приговора, просил снизить назначенное наказание.

Президиум Хабаровского краевого суда 8 февраля 2016 г. изменил приговор, указав следующее.

Как усматривается из приговора, забравшись на ограждение торгового павильона, находящегося в здании аэропорта, З. вскрыл внутреннюю сторону витрины-холодильника, отодвинув запирающее устройство, и похитил из нее металлический лоток с весовым мороженым, принадлежащим ООО “В”.

Согласно п. 3 примечаний к ст. 158 УК РФ под помещением в статьях главы 21 УК РФ понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях, а под хранилищем — хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей.

Между тем витрина-холодильник, из которого была совершена кража, является оборудованием для охлаждения товара и не относится к помещению или хранилищу исходя из п. 3 примечаний к ст. 158 УК РФ.

При таких обстоятельствах президиум Хабаровского краевого суда изменил приговор, действия З. переквалифицировал с п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ (по эпизоду в отношении имущества ООО “В”) на ч. 1 ст. 158 УК РФ. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 158 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначил осужденному лишение свободы сроком на один год восемь месяцев.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С УЧАСТИЕМ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ОРГАНОВ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ И ПРИМЕНЯЕМЫХ В ЭТИХ ДЕЛАХ ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

Верховным Судом РФ проведено изучение отдельных материалов судебной практики, связанных с квалификацией и установлением в делах о банкротстве требований по обязательным платежам в бюджет

¹ По постановлению Александрово-Заводского районного суда Забайкальского края от 21 апреля 2017 г. уголовное дело в отношении С. прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. По результатам судебного следствия государственный обвинитель отказался от обвинения С., поскольку собранными по делу доказательствами не подтверждено, что возгорание лесного массива произошло от действий С.

и внебюджетные фонды, а также иным вопросам, возникающим в связи с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и процедурах банкротства.

Под федеральным уполномоченным органом в целях банкротства на основании абз. 9 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) понимается федеральный орган исполнительной власти, наделенный Правительством РФ полномочиями на представление в делах о банкротстве и в процедурах, применяемых в делах о банкротстве, требований об уплате обязательных платежей и требований

Российской Федерации по денежным обязательствам. В соответствии с п. 2 постановления Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257 “Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве” (далее — постановление № 257) таким федеральным органом исполнительной власти является Федеральная налоговая служба (ФНС России).

Уполномоченными органами в отношении требований по денежным обязательствам субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в силу указанной нормы Закона о банкротстве признаются соответствующие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, наделенные полномочиями на представление требований этих публично-правовых образований.

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, вытекающих из участия уполномоченных органов, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

Возбуждение дела о банкротстве по заявлению уполномоченного органа

1. В случае частичного погашения задолженности по обязательным платежам обоснованность заявления уполномоченного органа о признании должника несостоятельным (банкротом) проверяется судом исходя из общего размера требований, которые были указаны в заявлении при обращении в арбитражный суд, остались неудовлетворенными на момент рассмотрения этого заявления и в отношении которых ко дню судебного заседания приняты решения о взыскании задолженности.

В практике судов возник вопрос о том, может ли быть признано обоснованным заявление уполномоченного органа о признании должника несостоятельным (банкротом), если имевшаяся на момент обращения уполномоченного органа в суд задолженность по обязательным платежам частично погашена, часть требований уполномоченного органа осталась неудовлетворенной и в отношении этой части требований после возбуждения дела о банкротстве приняты решения о взыскании задолженности.

В силу п. 3 ст. 6 и абз. 3 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве в случаях, когда взыскание задолженности по обязательным платежам осуществляется в бесспорном порядке, право на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом возникает у уполномоченного органа по истечении 30 дней со дня принятия соответствующим органом решения о взыскании задолженности за счет денежных средств либо решения о взыскании задолженности за счет иного имущества должника, если в силу установленного порядка решение о взыскании за счет денежных средств не принимается.

По обязательным платежам, подлежащим взысканию в судебном порядке, право на обращение с заявлением о признании должника банкротом возникает у уполномоченного органа по истечении 30 дней со дня вступления в силу соответствующего решения суда.

Кроме того, необходимо учитывать, что на основании абз. 2 п. 1 ст. 29 Закона о банкротстве в целях проведения государственной политики по вопросам финансового оздоровления и банкротства Правительством РФ установлен специальный порядок подачи уполномоченным органом заявления о признании должника банкротом.

Право на подачу заявления о признании должника банкротом должно реализовываться уполномоченным

органом в указанном порядке. Поэтому при проверке соблюдения срока, по истечении которого допускается обращение с заявлением о признании должника банкротом, надлежит руководствоваться также и нормами Положения о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в делах о банкротстве и в процедурах банкротства (далее — Положение о порядке предъявления требований), утвержденное постановлением № 257.

В соответствии с п. 2 Положения о порядке предъявления требований необходимым условием для направления заявления уполномоченного органа в суд является истечение 30 дней после направления судебному приставу-исполнителю постановления о взыскании налога (сбора) за счет имущества должника или соответствующего исполнительного документа.

Из содержания данных нормативных предписаний следует, что суд, разрешая вопрос о принятии к производству заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом, проверяет, соблюдена ли уполномоченным органом на день подачи заявления установленная Законом о банкротстве и Положением о порядке предъявления требований совокупность условий, касающихся принятия решения о взыскании задолженности по обязательным платежам, передачи на взыскание этой задолженности в службу судебных приставов-исполнителей (в том числе по задолженности налоговых агентов в виде удержанных ими, но не перечисленных в бюджет сумм налогов).

При этом в силу п. 6 ст. 41 Закона о банкротстве в заявлении уполномоченного органа отражаются сведения о задолженности по обязательным платежам, которая имеется у должника по данным уполномоченного органа, но в отношении которой на момент обращения в суд не приняты решения о взыскании за счет денежных средств и (или) иного имущества должника.

Следовательно, если заявление уполномоченного органа на момент обращения в суд отвечало требованиям абз. 3 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве и п. 2 Положения о порядке предъявления требований и после подачи этого заявления должник частично погасил задолженность по обязательным платежам, определение о признании такого заявления обоснованным в отношении должника — юридического лица может быть вынесено и в том случае, когда оставшаяся непогашенной задолженность была указана в заявлении уполномоченного органа, ко дню судебного заседания она превышала минимальный размер, установленный п. 3 ст. 6 Закона о банкротстве, и решение о ее взыскании вынесено к этому дню. В таком случае для признания заявления уполномоченного органа обоснованным просрочка в исполнении обязанности по уплате обязательных платежей ко дню проведения судебного заседания должна составлять не менее трех месяцев (п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве), а соблюдение сроков, предусмотренных абз. 3 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве и п. 2 Положения о порядке предъявления требований, не требуется.

2. Нарушение установленного п. 2 Положения о порядке предъявления требований 90-дневного срока принятия уполномоченным органом решения о направлении в суд заявления о признании должника банкротом не влияет на возможность признания такого заявления обоснованным и введения процедуры банкротства. При этом заявление уполномоченного органа признается необоснованным, если на момент обращения в суд утрачена возможность принудительного исполнения требований, указанных в заявлении.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о признании акционерного общества банкротом, поскольку у организации имелась непогашенная задолженность по налогам.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, прекратил производство по делу, сославшись на подачу заявления уполномоченным органом за пределами 90-дневного срока, установленного п. 2 Положения о порядке предъявления требований.

Суд округа отменил определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, указав следующее.

В соответствии с п. 2 Положения о порядке предъявления требований решение о направлении в суд заявления о признании должника банкротом уполномоченный орган обязан принять не позднее чем через 90 дней со дня направления судебному приставу-исполнителю постановления налогового органа о взыскании налога (сбора) за счет имущества должника или соответствующего исполнительного листа.

Законодательство о банкротстве не устанавливает последствия пропуска этого срока и не содержит указания на то, что он является пресекательным. Следовательно, истечение 90-дневного срока не влечет за собой утрату налоговой инспекцией права на предъявление в суд заявления о признании банкротом должника — юридического лица.

При этом по смыслу п. 3 ст. 6, п. 6 ст. 41 Закона о банкротстве требования уполномоченных органов об уплате обязательных платежей принимаются во внимание, если возможность их принудительного исполнения к моменту обращения уполномоченного органа в суд не утрачена в соответствии с законодательством Российской Федерации, регулирующим вопросы взыскания соответствующих обязательных платежей.

В связи с этим судам следовало дать оценку возражениям должника относительно того, какие установленные законом меры по взысканию налоговой задолженности и в какие сроки принимались налоговым органом по его требованиям.

Исчисление сроков принудительного взыскания производится с учетом разъяснений, данных в п. 11 настоящего Обзора.

3. Уполномоченный орган вправе инициировать процедуру банкротства юридического лица на основании задолженности по страховым взносам, которая не подтверждена судебным актом, но в отношении которой принято решение о ее бесспорном взыскании.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о признании муниципального унитарного предприятия банкротом.

В обоснование заявления уполномоченный орган сослался на наличие у предприятия задолженности по обязательным платежам, включающей в себя как недоимку по уплачиваемым в бюджет налогам, так и задолженность по уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции и судом округа, заявление уполномоченного органа признано необоснованным, производство по делу о банкротстве прекращено.

Суды отметили, что после возбуждения дела о банкротстве предприятие погасило задолженность по налогам, а в отношении задолженности по обязательным страховым взносам уполномоченный орган не представил судебное решение о ее взыскании. По мнению судов, исходя из буквального содержания п. 3 ст. 6 Закона о банкротстве, в отличие от налоговой задолженности право уполномоченного органа на предъявление требований об уплате обязательных страховых взносов при подаче заявления о банкротстве возникает лишь в том случае, когда данные требования подтверждены судебным актом.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ с такими выводами судов не согласилась, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ “О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования” (далее — Закон о страховых взносах) организации обязаны своевременно и в полном объеме уплачивать страховые взносы.

В целях обеспечения исполнения обязанности по уплате страховых взносов в ч. 3 ст. 18, ст.ст. 19 и 20 Закона о страховых взносах установлен порядок взыскания с организаций — плательщиков недоимок по страховым взносам на основании решений, принимаемых органами контроля за уплатой страховых взносов путем их направления в банк, а при недостаточности или отсутствии денежных средств на счетах плательщика или при отсутствии информации о счетах последнего — путем направления соответствующего постановления судебному приставу-исполнителю.

Таким образом, ст.ст. 19 и 20 Закона о страховых взносах, регулирующими меры принудительного исполнения задолженности по страховым взносам, введен внесудебный порядок взыскания этой задолженности. При этом Закон о страховых взносах устанавливает исчерпывающий перечень случаев, при наступлении которых орган контроля за уплатой страховых взносов обращается в суд с требованием о взыскании недоимок с организаций.

Принимая во внимание эти положения Закона о страховых взносах, право на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом возникает у уполномоченного органа в соответствии с п. 3 ст. 6 Закона о банкротстве по истечении 30 дней со дня принятия органом контроля за уплатой страховых взносов решения о взыскании задолженности за счет денежных средств либо постановления о взыскании задолженности за счет иного имущества должника, если в силу Закона о страховых взносах решение о взыскании за счет денежных средств не принимается (за исключением случаев, когда взыскание недоимки по страховым взносам в силу закона производится в судебном порядке).

В рассматриваемом случае уполномоченным органом этот срок был соблюден, равно как и 30-дневный срок, предусмотренный п. 2 Положения о порядке предъявления требований.

4. Уполномоченный орган вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом лица, не перечислившего в бюджет суммы налога на доходы физических лиц, которые были удержаны при выплате выходных пособий и (или) заработной платы.

В связи с принятием Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 186-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 186-ФЗ) в судебной практике возник вопрос о возможности возбуждения дела о банкротстве лица, не перечислившего в бюджет суммы налога, которые были удержаны им при выплате не освобожденных от налогообложения выходных пособий и (или) заработной платы.

Пункт 1 ст. 7, п. 1 ст. 11 Закона о банкротстве (в ред. Закона № 186-ФЗ) наделяют правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом не только самого должника, его конкурсных кредиторов, уполномоченный орган, но и работников (бывших работников) должника, имеющих непогашенные требования по выплате выходных пособий и (или) по оплате труда.

Поскольку уплата налога на доходы физических лиц производится за счет средств, причитающихся гра-

жданам (п. 9 ст. 226 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ)), и при удержании сумм этого налога должник распоряжается, в частности, частью вознаграждения за труд, уполномоченный орган применительно к приведенным положениям п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 11 Закона о банкротстве вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом лица, не перечислившего в бюджет суммы налога, которые были удержаны им при выплате не освобожденных от налогообложения выходных пособий и (или) заработной платы.

5. Денежные требования, вытекающие из отношений, связанных с заключением, исполнением, расторжением федеральных государственных контрактов, предъявляются в деле о банкротстве уполномоченным органом.

В судебной практике возник вопрос о праве федеральных органов исполнительной власти (их территориальных подразделений по субъектам Российской Федерации) на предъявление в делах о банкротстве требований, вытекающих из государственных контрактов, в рамках которых такие органы выступали государственными заказчиками.

Разрешая данные требования, в том числе если государственным заказчиком подано заявление о признании должника банкротом, необходимо учитывать, что при заключении государственных контрактов на приобретение товаров (работ, услуг) для государственных нужд заказчики действуют от имени и по поручению публично-правового образования.

Поэтому вытекающие из заключения, исполнения, расторжения таких контрактов денежные обязательства относятся к требованиям соответствующего публично-правового образования.

В силу п. 2 ст. 29 Закона о банкротстве требования Российской Федерации по денежным обязательствам представляются в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, федеральным органом исполнительной власти, который в соответствии с законом отнесен к уполномоченным органам, т.е. ФНС России (п. 2 постановления № 257).

В целях надлежащей реализации данных полномочий в соответствии с п. 8 Положения о порядке предъявления требований федеральные органы исполнительной власти уведомляют уполномоченный орган о наличии задолженности по денежным обязательствам и представляют ему заверенные в установленном порядке копии документов, необходимых для подачи заявления о признании должника банкротом.

Следовательно, если заявление (требование) по денежным обязательствам Российской Федерации подано в деле о банкротстве иным федеральным органом исполнительной власти, суд извещает уполномоченный орган о времени и месте судебного заседания по рассмотрению такого заявления (требования) в порядке, установленном главой 12 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ). В случае когда предъявление заявления (требования) не одобрено уполномоченным органом применительно к п. 1 ст. 183 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), соответствующее заявление (требование) подлежит оставлению судом без рассмотрения на основании п. 7 ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

Квалификация и установление требований по обязательным платежам в деле о банкротстве

6. При разрешении вопроса о квалификации задолженности по обязательным платежам в качестве текущей либо реестровой следует исходить из момента окончания налогового (отчетного) периода, по результатам которого образовался долг.

Изучение судебной практики показало, что суды не во всех случаях правильно определяют, когда задол-

женность по обязательным платежам подлежит установлению в реестре требований кредиторов и может быть удовлетворена лишь с соблюдением очередности, установленной п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве, а когда — относится к текущим платежам, погашаемым согласно п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве за счет конкурсной массы вне очереди.

В силу п. 1 ст. 38, п. 1 ст. 44 НК РФ обязанность исчисления и уплаты налога возникает у налогоплательщика при наличии у него объекта налогообложения и налоговой базы.

Объект налогообложения как совокупность налоговых операций (фактов) является сформировавшимся к моменту окончания налогового периода. При этом он формируется применительно не к отдельным финансово-хозяйственным операциям или иным имеющим значение для налогообложения фактам, а к совокупности соответствующих операций (фактов), совершенных (имевших место) в течение налогового периода.

Это означает, что возникновение обязанности по уплате налога определяется наличием объекта налогообложения и налоговой базы, а не наступлением последнего дня срока, в течение которого соответствующий налог должен быть исчислен и уплачен.

Таким образом, моментом возникновения обязанности по уплате налога является день окончания налогового периода, а не день представления налогового декларации или день окончания срока уплаты налога.

Вынесение налоговым органом после принятия заявления о признании должника банкротом решения о доначислении налогов и начислении пеней по налогам, налоговый период и срок уплаты которых наступили до дня принятия заявления, не является основанием для квалификации требований об уплате доначисленных обязательных платежей как текущих.

При решении вопроса об установлении размера и квалификации требований уполномоченного органа по налогам, налоговый период по которым состоит из нескольких отчетных периодов, по итогам которых уплачиваются авансовые платежи (например, налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций, земельный налог), надлежит также учитывать следующее.

Если окончание отчетного периода соответствующего авансового платежа наступило до принятия заявления о признании должника банкротом, то такой авансовый платеж не является текущим.

При этом окончание налогового периода после принятия судом заявления о признании должника банкротом влечет за собой квалификацию требования об уплате налога, исчисленного по итогам налогового периода, в качестве текущего, за исключением авансовых платежей, исчисленных за периоды, предшествующие возбуждению дела о банкротстве. Таким образом, в этом случае налоговый орган имеет право на удовлетворение своих требований в режиме текущих платежей в размере, определяемом как разница между суммой налога и суммой авансовых платежей, требования об уплате которых не являются текущими.

Если исчисленная по итогам налогового периода сумма налога окажется меньше авансового платежа и авансовый платеж ранее не был включен в реестр требований кредиторов, суд, рассматривая заявление уполномоченного органа, включает задолженность по налогу в реестр в сумме, не превышающей сумму налога.

Если же требование об уплате авансового платежа было установлено судом до истечения налогового периода и окончательного определения суммы налога, а исчисленная по итогам налогового периода сумма налога оказалась меньше авансового платежа, суд по заявлению должника, арбитражного управляющего или иного лица, имеющего право в соответствии со

ст.ст. 71, 100 Закона о банкротстве заявлять возражения относительно требований кредиторов, на основании п. 6 ст. 16 Закона исключает требование уполномоченного органа в соотвествующей части из реестра требований кредиторов.

Указанный подход применяется при квалификации требований, касающихся таможенных пошлин и страховых взносов.

Требования, касающиеся пеней, начисляемых в целях компенсации потерь казны из-за несвоевременного исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, таможенных пошлин, страховых взносов (ст. 75 НК РФ, ст. 151 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ “О таможенном регулировании в Российской Федерации”, ст. 25 Закона о страховых взносах и т.п.), относящихся к текущим платежам, также являются текущими платежами.

Требования, касающиеся пеней, начисляемых ввиду несвоевременного исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, таможенных пошлин, страховых взносов, подлежащих включению в реестр требований кредиторов, не являются текущими платежами. По смыслу п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве эти требования учитываются отдельно в реестре требований кредиторов и подлежат удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов. Данные требования в силу п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве не учитываются для целей определения числа голосов на собрании кредиторов, и именно на них распространяются правила о прекращении начисления финансовых санкций с момента введения соответствующей процедуры банкротства (абз. 10 п. 1 ст. 63, абз. 10 п. 1 ст. 81, абз. 3 п. 2 ст. 95, абз. 3 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве).

7. Штрафы, назначенные должнику в порядке привлечения к публично-правовой ответственности, в том числе административной, налоговой ответственности (например, за налоговые правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 120, 122, 123, 126 НК РФ), признаются текущими платежами, если соответствующее правонарушение совершено должником (в случае длящегося правонарушения — выявлено контролирующим органом) после возбуждения дела о банкротстве.

Акционерное общество в лице конкурсного управляющего обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства в связи с привлечением должника к административной ответственности и назначением ему наказания в виде штрафа, считая, что признание организации банкротом исключает возможность принудительного исполнения требования об уплате штрафа.

Рассматривая дело, суд первой инстанции установил, что административное правонарушение совершено обществом после возбуждения в отношении него дела о банкротстве. На этом основании суд сделал вывод, что требование об уплате штрафа является текущим.

Поскольку в силу ч. 4 ст. 96 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” (далее — Закон об исполнительном производстве) признание должника банкротом не влияет на возможность принудительного исполнения требований по текущим платежам, суд пришел к выводу о законности постановления судебного пристава и отказал в удовлетворении требований общества.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, отменил решение суда.

Как указали судебные инстанции, Закон о банкротстве не содержит положений, устанавливающих деление требований об уплате публично-правовых

штрафов на текущие требования и требования, подлежащие включению в реестр требований кредиторов. Соответственно, такие требования, независимо от момента совершения правонарушения, привлечения должника к ответственности, учитываются в реестре требований кредиторов, а их принудительное исполнение (вне рамок дела о банкротстве) недопустимо.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления апелляционного суда и суда округа, оставив в силе решение суда первой инстанции, по следующим основаниям.

Статьей 2 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” существенно расширен состав обязательных платежей, к которым законодатель отнес, помимо прочего, административные штрафы.

В силу положений пп. 1 и 2 ст. 5 Закона о банкротстве текущими платежами в деле о банкротстве являются, в частности, обязательные платежи, возникшие после принятия заявления о признании должника банкротом.

Поскольку в рассматриваемом случае правонарушение совершено обществом после принятия заявления о признании должника банкротом, требование об уплате административного штрафа является текущим и подлежит удовлетворению вне очереди за счет конкурсной массы преимущественно перед кредиторами, требования которых возникли до принятия такого заявления.

Включение требования об уплате административного штрафа в реестр требований кредиторов и погашение его в очередности, установленной п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве, независимо от момента совершения должником административного правонарушения, не основано на законе и, по сути, влечет за собой предоставление несостоятельному должнику безусловных привилегий.

В связи с этим оспариваемое постановление судебного пристава-исполнителя вынесено на основании и в соответствии с требованиями Закона об исполнительном производстве, согласуется с положениями Закона о банкротстве, права и законные интересы общества не нарушает.

8. Требование уполномоченного органа в отношении налога на доходы физических лиц (основной долг), удержанного при выплате доходов до возбуждения дела о банкротстве, но не перечисленного в бюджет, включается в ту очередь расчетов с кредиторами, к которой относится доход гражданина, подвергнутый налогообложению.

В практике судов возник вопрос о подходе, которым следует руководствоваться при определении очередности удовлетворения требований уполномоченного органа, заявленных в отношении недоимки по налогу на доходы физических лиц, удержанному до возбуждения дела о банкротстве, но не перечисленному в бюджет, если налог был удержан из различных доходов граждан, выплаты по которым относятся к разным очередям осуществления расчетов с кредиторами.

Положениями ст. 24, п. 1 ст. 226 НК РФ установлена обязанность российских организаций и индивидуальных предпринимателей, от которых или в результате отношений с которыми налогоплательщик получил доходы, исчислить, удержать и перечислить в бюджет сумму налога на доходы физических лиц, причитающуюся к уплате с этих доходов.

Данная обязанность согласно п. 2 ст. 226 НК РФ распространяется на случаи выплаты всех доходов физического лица, источником которых являются указанные лица (за исключением доходов, в отношении которых исчисление сумм и уплата налога производят-

ся в соответствии со ст.ст. 214³, 214⁴, 214⁵, 214⁶, 226¹, 227 и 228 НК РФ).

Будучи в силу названных положений НК РФ налоговым агентом, должник, хотя и исполняет свою обязанность по перечислению налога в бюджет, эта обязанность является производной от получения дохода гражданином-налогоплательщиком. При этом обязанность налогового агента исполняется одновременно с выплатой дохода гражданину, и, следовательно, она не может относиться к иной очередности удовлетворения.

Поскольку доходы в виде оплаты труда, выходных пособий, вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности согласно абз. 3 п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве относятся ко второй очереди расчетов с кредиторами, задолженность по перечислению в бюджет налога на доходы физических лиц, удержанного должником в качестве налогового агента при выплате этих доходов, также относится к реестровым требованиям второй очереди. Если же налог был удержан при выплате текущей заработной платы, выходных пособий, суммы налога на доходы физических лиц перечисляются должником как налоговым агентом одновременно с выплатой такой заработной платы в режиме второй очереди текущих платежей (абз. 3 п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве).

Если до возбуждения дела о банкротстве налог был удержан при выплате доходов, которые согласно п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве не относятся к первой или второй очереди осуществления расчетов с кредиторами, например при выплате вознаграждения по договору подряда, процентов по займу, такой налог учитывается в составе третьей очереди реестра требований кредиторов.

9. Начисленные должнику пени и штрафы за неперечисление в бюджет налога на доходы физических лиц, удержанного при выплате доходов до возбуждения дела о банкротстве, учитываются отдельно в составе платежей третьей очереди.

В рамках дела о банкротстве должника уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов задолженности по обязательным платежам, в том числе сумм налога на доходы физических лиц, которые были удержаны должником до возбуждения дела о банкротстве, но не перечислены в бюджет, а также начисленных на эти суммы пеней.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции и судом округа, требования уполномоченного органа в части, касающейся сумм налога на доходы физических лиц, относящихся к ним пеней, включены во вторую очередь реестра требований кредиторов.

Судебные акты мотивированы тем, что требование об уплате пеней по налогу на доходы физических лиц возникло из неисполнения основной обязанности должника по перечислению в бюджет данного налога, а значит следует его судьбе и должно учитываться в составе второй очереди реестра требований кредиторов.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов в части определения очередности удовлетворения требований по пеням, начисленным в отношении налога на доходы физических лиц, указав следующее.

Допуская просрочку в исполнении обязанности налогового агента, должник совершает собственное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена НК РФ. Поэтому требование уполномоченного органа о включении в реестр соответствующих финансовых санкций (штрафов, наложенных по ст. 123 НК РФ, и пеней, начисленных в соответствии со ст. 75 НК РФ) отражается в реестре требований кредиторов исходя из общих правил об очередности удов-

летворения обязательных платежей: эти финансовые санкции подлежат удовлетворению в составе третьей очереди после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов (п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве).

При таких обстоятельствах квалификация суммы пеней по налогу на доходы физических лиц в качестве требования, подлежащего учету в составе второй очереди реестра требований кредиторов, ошибочна.

10. Требование уполномоченного органа, основанное на сведениях о подлежащем уплате налоге, отраженных в налоговой декларации должника, может быть признано обоснованным, поскольку не нуждается в дополнительном подтверждении материалами налоговой проверки.

В рамках дела о банкротстве должника уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов задолженности по налоговым платежам, представив в подтверждение обоснованности своего заявления справку о задолженности налогоплательщика, составленную по данным его лицевого счета, а также налоговую декларацию, на основании которой эти данные были отражены на лицевом счете.

Признав эти доказательства достаточными, суд первой инстанции включил задолженность по налогу в реестр требований кредиторов.

Не соглашаясь с такими выводами и признавая требования уполномоченного органа необоснованными, суд апелляционной инстанции отметил, что справка о задолженности налогоплательщика не является достаточным доказательством наличия долга, а налоговая декларация не подтверждает обоснованность требования уполномоченного органа, поскольку представлена в ненадлежащем виде (распечатка из базы данных налоговой инспекции) и в отсутствие доказательств проведения налоговым органом мероприятий налогового контроля, принятия решений по их результатам.

Суд округа постановлением суда апелляционной инстанции отменил, оставив в силе определение суда первой инстанции по следующим причинам.

Согласно п. 10 ст. 16, а также пп. 3—5 ст. 71, пп. 3—5 ст. 100 Закона о банкротстве арбитражный суд проверяет обоснованность и размер требований кредиторов, не подтвержденных вступившим в законную силу судебным актом, независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором, с другой стороны.

Поэтому в случае предъявления уполномоченным органом требований в отношении обязательных платежей суд проверяет, представлены ли в подтверждение этих требований достаточные доказательства наличия и размера задолженности по обязательным платежам.

Представляемая уполномоченным органом в обоснование указанных требований справка налогового органа, содержащая данные лицевого счета о размере недоимки на определенный день, в случае несогласия должника (арбитражного управляющего, конкурсных кредиторов) с этими сведениями не может рассматриваться как достаточное доказательство для признания заявленных требований доказанными.

В этом случае уполномоченным органом в обоснование предъявленных требований могут быть представлены документы, содержащие данные об основаниях, моменте возникновения и размере недоимки (например, налоговые декларации налогоплательщика, акты налоговых проверок, решения налогового органа по результатам рассмотрения материалов проверки).

В рассматриваемом деле требование уполномоченного органа основано не только на справке о задол-

женности, но также на налоговой декларации, поданной должником, возможность составления которой в электронной форме и ее подачи по телекоммуникационным каналам связи предусмотрена пп. 1, 3—4 ст. 80 НК РФ.

Поэтому распечатанная из электронной базы налоговая декларация, удостоверенная должностным лицом налоговой инспекции, вопреки выводам суда апелляционной инстанции может быть признана допустимым письменным доказательством.

Кроме того, в силу п. 1 ст. 80 НК РФ указанная в декларации сумма налога определяется самим налогоплательщиком и представляет собой его заявление о налоге, подлежащем уплате в бюджет. Поэтому в отсутствие доказательств исполнения обязанности по уплате этой суммы налоговая декларация является достаточным подтверждением наличия задолженности.

Поскольку согласно пп. 3—5, 8¹ ст. 88, п. 1 ст. 100, ст. 101 НК РФ акт налоговой проверки составляется и соответствующее решение принимается только в случае выявления нарушений законодательства о налогах и сборах в ходе проведения камеральной налоговой проверки, но в данном случае такие нарушения налоговой инспекцией выявлены не были (декларация налогоплательщика принята без изменений), основания для составления акта проверки и принятия решения отсутствовали.

В связи с изложенным судам также необходимо учитывать, что при несогласии с правильностью исчисления и размером указанного в декларации налога руководитель должника (до прекращения его полномочий), арбитражный управляющий, на которого возложено управление делами должника, на основании ст. 81 НК РФ не лишены возможности подать от имени должника уточненную налоговую декларацию, с учетом результатов проверки которой судом может быть решен вопрос об исключении требования из реестра в соответствующей части (п. 6 ст. 16 Закона о банкротстве). Вопрос об исключении требования из реестра в этом случае рассматривается применительно к порядку, установленному главой 37 АПК РФ.

11. Требование уполномоченного органа об установлении в деле о банкротстве задолженности по обязательным платежам признается судом необоснованным, если возможность принудительного взыскания этой задолженности к моменту введения первой процедуры банкротства утрачена.

В практике судов возник вопрос: каким образом при проверке обоснованности требования уполномоченного органа, заявленного в отношении обязательных платежей, следует исчислять срок их принудительного взыскания.

Утрата возможности принудительного исполнения требований по обязательным платежам исключает возможность их удовлетворения в процедуре банкротства, что в соответствии с положениями ст.ст. 71, 100 Закона о банкротстве влечет признание данных требований необоснованными.

При этом само по себе нарушение порядка и сроков совершения отдельных процедур в рамках внесудебного взыскания обязательных платежей не влечет за собой утрату возможности их взыскания в судебном порядке (ст.ст. 46, 47 НК РФ).

Так, срок взыскания задолженности в судебном порядке составляет два года со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога, если налоговым органом были приняты надлежащие меры по взысканию налога за счет денежных средств налогоплательщика и не приняты меры по принудительному взысканию налога за счет иного имущества налогоплательщика (п. 1 ст. 47 НК РФ и п. 55 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57 “О некоторых вопросах, возникающих

при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации”).

К числу надлежащих мер по взысканию налога за счет денежных средств налогоплательщика согласно п. 2 ст. 46 НК РФ относится направление налоговым органом первого поручения на списание и перечисление денежных средств (перевод электронных денежных средств) в пределах двух месяцев после истечения срока исполнения требования об уплате налога. Если и эти меры не были предприняты, взыскание задолженности производится в судебном порядке, срок на обращение в суд составляет шесть месяцев и начинает течь после истечения срока исполнения требования об уплате налога (п. 3 ст. 46 НК РФ).

Судам необходимо иметь в виду, что несвоевременное совершение налоговым органом действий, предусмотренных пп. 4, 6 ст. 69, пп. 1—2 ст. 70, ст.ст. 46—47 НК РФ, не влечет продления совокупного срока принудительного взыскания задолженности, который исчисляется объективно — в последовательности и продолжительности, установленной названными нормами Закона. Однако пропущенный уполномоченным органом по уважительным причинам срок может быть восстановлен судом (п. 3 ст. 46, п. 3 ст. 47 НК РФ) с учетом разъяснений, данных в п. 60 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57 “О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации”.

Аналогичным образом возможность принудительного взыскания обязательных страховых взносов с должников — организаций и индивидуальных предпринимателей — утрачивается по истечении совокупности сроков, установленных ст.ст. 19, 20 и 22 Закона о страховых взносах.

Следует также учитывать, что в силу п. 2 ст. 63, п. 1 ст. 81, п. 1 ст. 94, п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве со дня вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения (финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства) возникшая до возбуждения дела о банкротстве задолженность по обязательным платежам не может быть взыскана в принудительном порядке, в том числе установленном НК РФ и Законом о страховых взносах. Поэтому вопрос об утрате возможности принудительного исполнения требований по соответствующим обязательным платежам в связи с истечением срока для взыскания задолженности выясняется судом по состоянию на день введения в отношении должника первой процедуры банкротства.

12. Очередность удовлетворения требования уполномоченного органа, основанного на результатах налоговой проверки должника, решение по результатам которой не вступило в силу к моменту введения процедуры конкурсного производства, не понижается, если требование своевременно заявлено после вступления такого решения в силу.

В практике судов выявлен различный подход к исчислению срока предъявления уполномоченными органами требований об установлении задолженности по обязательным платежам, если к моменту введения в отношении должника процедуры конкурсного производства не была завершена проводимая в отношении него налоговая проверка.

При установлении таких требований в деле о банкротстве необходимо учитывать, что в соответствии с п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве со дня принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства все требования кредиторов по денежным обязательствам, за исключением текущих платежей и иных требований, поименованных в Законе о банкротстве, могут

быть предъявлены только в ходе конкурсного производства.

Общий срок предъявления требований, по истечении которого реестр требований кредиторов подлежит закрытию, определен п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве и составляет два месяца.

Последствием предъявления требований с нарушением данного срока согласно п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве является их удовлетворение за счет имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, т.е. понижение очередности удовлетворения.

По смыслу данных положений Закона о банкротстве в общем случае понижение очередности удовлетворения требований кредиторов применяется, если возможность предъявления требований в двухмесячный срок объективно существовала, но не была своевременно реализована кредитором.

В свою очередь, из системного толкования положений ст.ст. 88, 89, 100¹, 101 НК РФ следует, что доначисление сумм налога может быть осуществлено налоговым органом только по результатам проведения налоговой проверки, которые в соответствии со ст.ст. 101², 138 НК РФ могут быть пересмотрены вышестоящим налоговым органом по апелляционной жалобе налогоплательщика (налогового агента) и приобретают юридическую силу со дня принятия вышестоящим налоговым органом решения по апелляционной жалобе.

В связи с этим при установлении требований по обязательным платежам должно учитываться, имелись ли у уполномоченного органа объективные препятствия для предъявления требований, возникновение которых обуславливалось необходимостью соблюдения установленных законодательством процедур выявления задолженности по обязательным платежам, обеспечения прав плательщиков обязательных платежей при их привлечении к публично-правовой ответственности.

Следовательно, двухмесячный срок предъявления требований уполномоченным органом, указанный в п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве, не течет в период с начала проведения налоговой проверки на протяжении всего времени, пока не вступит в силу решение налогового органа по результатам этой проверки.

Вместе с тем, если при проведении мероприятий налогового контроля, рассмотрении результатов налоговой проверки со стороны налогового органа допущено нарушение сроков совершения соответствующих действий, в частности, предусмотренных п. 2 ст. 88, п. 6 ст. 89, пп. 1 и 5 ст. 100, пп. 1, 6, 9 ст. 101, пп. 1, 6, 10 ст. 101⁴, п. 3 ст. 140 (в случае подачи апелляционной жалобы), на время такой просрочки, не обусловленной объективными причинами, течение двухмесячного срока, предусмотренного п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве, не приостанавливается. При этом к объективным препятствиям, сделавшим невозможным соблюдение налоговым органом указанных сроков, может относиться в том числе активное противодействие проведению выездной налоговой проверки (п. 1¹ ст. 113 НК РФ).

Необходимо также учитывать, что Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 222-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 222-ФЗ) п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве дополнен прямым указанием на запрет понижения очередности требований уполномоченного органа в том случае, когда на день закрытия реестра не вынесен либо не вступил в силу судебный акт или акт иного уполномоченного государственного органа, наличие которого в соответствии с законодательством Российской Федерации является обязательным для выявления задолженности, в отно-

шении которой предъявлены соответствующие требования.

Для таких случаев данной нормой Закона о банкротстве в ее новой редакции предусмотрено увеличение общего двухмесячного срока предъявления требований уполномоченным органом до восьми месяцев с исчислением увеличенного срока начиная со дня опубликования сведений об открытии в отношении должника процедуры конкурсного производства. Этот специальный срок согласно пп. 4, 6—8 ст. 13 Закона № 222-ФЗ применяется в отношении процедур конкурсного производства, введенных начиная с 1 сентября 2016 г.

Как и ранее, если у уполномоченного органа имелись объективные препятствия для предъявления требований, периоды, связанные с проведением мероприятий налогового контроля, рассмотрением результатов налоговой проверки, апелляционной жалобы на принятое по ее результатам решение, не включаются в указанный восьмимесячный срок.

13. Материалы проведенных в отношении должника или его контрагента мероприятий налогового контроля могут быть использованы в качестве средств доказывания фактических обстоятельств, на которые ссылается уполномоченный орган, при рассмотрении в рамках дела о банкротстве обособленных споров, а также при рассмотрении в общеисковом порядке споров, связанных с делом о банкротстве.

В частности, такие материалы могут служить доказательственной базой при рассмотрении возражений уполномоченного органа на требование кредитора, оспаривании уполномоченным органом сделки, на которой основано требование кредитора, при обжаловании судебного акта, подтверждающего заявленное в деле о банкротстве требование.

В рамках дела о банкротстве должника его контрагент обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов задолженности по оплате поставленных товаров.

Уполномоченный орган и конкурсный управляющий заявили возражения относительно обоснованности данного заявления, ссылаясь на материалы проведенной в отношении должника налоговой проверки, из которых следовало, что его отношения с обратившимся в суд контрагентом не носили реального характера.

Рассмотрев требование, суд первой инстанции пришел к выводу, что товары были реально поставлены должнику, но не оплачены им в полном объеме, в связи с чем включил задолженность по их оплате в реестр требований кредиторов.

При этом суд признал, что представленные заявителем в материалы дела товарные накладные, содержащие отметки о передаче товаров представителю должника, а также акт сверки взаимных расчетов, подписанный должником, в котором отражена задолженность по договору, образуют достаточную совокупность доказательств для вывода об обоснованности требования кредитора, а материалы налоговой проверки лишь косвенно ставят под сомнение исполнение договора.

Суд апелляционной инстанции согласился с такими выводами.

Отменяя судебные акты по жалобам уполномоченного органа и конкурсного управляющего, суд округа признал, что судебными инстанциями должным образом не были исполнены требования Закона о банкротстве, касающиеся проверки обоснованности требования кредитора.

Рассматривая обособленный спор об установлении требования кредитора при наличии возражений, мотивированных тем, что лежащая в основе этого требования сделка направлена на создание искусственной задолженности, суд в силу положений ст.ст. 71, 100 Закона о банкротстве должен осуществить проверку обос-

нованности такого требования, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений по сделке, в данном случае — отношений по поставке товаров.

Целью такой проверки является недопущение включения в реестр необоснованных требований, что в ситуации недостаточности имущества должника приводило бы к нарушению прав и законных интересов кредиторов, конкурирующих между собой за получение удовлетворения требований, а также должника и его учредителей (участников), законный интерес которых состоит в наиболее полном и справедливом погашении долгов.

При наличии возражений о невозможности исполнения договора (нереальности поставки) и представлении в материалы дела подтверждающих эти возражения косвенных доказательств на заявившее требование лицо согласно ч. 1 ст. 65 АПК РФ возлагается бремя опровержения сомнений в исполнении сделки.

К числу доказательств, ставящих под сомнение исполнение сделки, согласно ст. 75 АПК РФ могут быть отнесены в том числе материалы налоговой проверки должника и (или) его контрагента (акт налоговой проверки, принятое по ее результатам решение), указывающие, в частности, на:

невозможность реального осуществления должником и (или) его контрагентом операций исходя из времени, места нахождения имущества или объема материальных ресурсов, необходимых для производства товаров, выполнения работ или оказания услуг;

отсутствие необходимых условий для достижения результатов соответствующей экономической деятельности ввиду того, что не имелось в наличии должных управленческих или технического персонала, основных средств, производственных активов, складских помещений, транспортных средств;

совершение операций с товаром, который не производился или не мог быть произведен в объеме, указанном налогооплательщиком в документах бухгалтерского учета.

В данном случае уполномоченным органом со ссылкой на материалы налоговой проверки были высказаны обоснованные сомнения в реальности исполнения договора купли-продажи.

Эти возражения мотивированы отсутствием информации о совершенных в рамках данного договора хозяйственных операциях в бухгалтерском и налоговом учете и отчетности поставщика (заявителя по обособленному спору), невозможностью поставки товаров в связи с отсутствием сведений об их складировании, условиях хранения, перевозки и принятия должником, а также отсутствием разумных экономических причин (целей делового характера) в приобретении данных товаров должником исходя из фактически осуществляемых им видов деятельности.

Обосновывающие указанные возражения материалы мероприятий налогового контроля являются в силу ст. 67 АПК РФ относимыми к делу доказательствами, их отклонение со стороны суда согласно ч. 5 ст. 71 АПК РФ не может быть оправдано лишь тем, что заявивший требование кредитор представил минимальный набор документов, указывающих на исполнение сделки, не раскрыв при этом с достаточной полнотой все существенные обстоятельства ее заключения и исполнения.

Учитывая, что материалы налогового контроля в соответствии со ст. 102 НК РФ могут составлять налоговую тайну, рассмотрение обособленных споров или рассмотрение в общеисковом порядке дел, связанных с делом о банкротстве, по ходатайству уполномоченного органа и (или) другого лица, участвующего в деле (обособленном споре), поданному в соответствии со ст. 11 АПК РФ (п. 16.2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 61 “Об

обеспечении гласности в арбитражном процессе”), может производиться в закрытом судебном заседании.

14. Требование об уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование подлежит удовлетворению в режиме, установленном для удовлетворения требований о выплате заработной платы.

Страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, за счет которых финансируются страховая и накопительная части трудовой пенсии, определяются Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации” как обязательные платежи, которые уплачиваются в Пенсионный фонд РФ и целевым назначением которых является обеспечение прав граждан на получение обязательного страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию (в том числе страховых пенсий), включая индивидуально возмездные обязательные платежи, персональным целевым назначением которых является обеспечение права гражданина на получение накопительной пенсии и иных выплат за счет средств пенсионных накоплений (ст. 3 названного Закона).

Такие платежи, как отмечается в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 24 февраля 1998 г. № 7-П и от 10 июля 2007 г. № 9-П, являются обязательной составной частью расходов по найму рабочей силы и материальной гарантией предоставления застрахованным лицам надлежащего страхового обеспечения в целях компенсации заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности.

Принимая во внимание особую правовую природу и предназначение страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, специальные правила исчисления накопительной пенсии (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ “О накопительной пенсии”), недопустимость существенных диспропорций между платежами, которые вносятся работодателями на этот вид обязательного социального страхования, и предоставляемым гражданам страховым обеспечением, судам следует исходить из того, что при осуществлении процедур банкротства не являющиеся текущими требования в отношении страховых взносов на обязательное пенсионное страхование подлежат исполнению в режиме, установленном для удовлетворения требований о выплате заработной платы.

В связи с этим требования об уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, не являющиеся текущими, в соответствии с абз. 3 п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве относятся ко второй очереди удовлетворения; они не предоставляют право голоса на собраниях кредиторов в соответствии с п. 3 ст. 12 этого Закона.

На требование об уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование не распространяется мораторий, предусмотренный ст.ст. 94, 95 Закона о банкротстве.

Оспаривание сделок (действий) должника в деле о банкротстве

15. Исполнение обязанности по уплате обязательных платежей в принудительном внесудебном порядке само по себе не является основанием для признания данных действий недействительными на основании п. 3 ст. 61³ Закона о банкротстве, поскольку не означает, что органу, осуществляющему взыскание платежей, было известно о неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника.

Конкурсный управляющий должником — хозяйственным обществом обратился в суд в рамках дела о банкротстве с заявлением о признании недействительными действий по списанию с банковского счета организации денежных средств в счет погашения задол-

женности по налогам, совершенных на основании инкассовых поручений налоговой инспекции.

Налоговый орган заявленные конкурсным управляющим требования не признал, указав, что списание денежных средств имело место более чем за один месяц до возбуждения дела о банкротстве и на момент получения денежных средств налоговая инспекция не была осведомлена о наличии требований иных кредиторов, наступлении к этому моменту неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника.

Суд первой инстанции удовлетворил требования конкурсного управляющего, сославшись на следующее.

Глава III¹ Закона о банкротстве устанавливает ряд специальных оснований, по которым в деле о банкротстве могут быть оспорены сделки, совершенные должником или за его счет, а также приравненные к сделкам действия, к числу которых относятся действия, направленные на исполнение обязанностей, возникающих в соответствии с законодательством о налогах и сборах.

В частности, на основании п. 1 ст. 61³ Закона о банкротстве судом могут быть признаны недействительными сделки (действия), исполнение которых приводит к получению одним из кредиторов удовлетворения его требований в предпочтительном порядке в сравнении с иными кредиторами должника.

При этом согласно п. 3 ст. 61³ Закона о банкротстве для признания недействительной сделки (действий), совершенной в течение шести месяцев до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, необходимо, чтобы лицу, в отношении которого совершена такая сделка (действия), было известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества должника либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать такой вывод.

Следовательно, при исполнении обязанности по уплате обязательных платежей в течение шести месяцев до дня принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом для признания таких действий недействительными по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 61³ Закона о банкротстве, должна быть установлена недобросовестность налогового органа.

Суд согласился с доводами конкурсного управляющего о том, что налоговая инспекция знала об утрате должником платежеспособности, мотивировав свой вывод тем, что обязанность по уплате налогов не была исполнена налогоплательщиком добровольно и налоговый орган был вынужден предпринять меры по принудительному взысканию налогов. Это, по мнению суда, указывало на отсутствие у должника денежных средств, необходимых для погашения задолженности по обязательным платежам, осведомленность уполномоченного о неплатежеспособности должника.

Постановлением суда апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, определение суда отменено и в удовлетворении требований конкурсного управляющего отказано.

Как отметил апелляционный суд, один лишь факт наличия просроченной задолженности по обязательным платежам не означает, что должник является неплатежеспособным, поскольку из этого не следует, что прекращение исполнения обязанностей по уплате обязательных платежей вызвано недостаточностью денежных средств.

Конкурсным управляющим не представлены доказательства того, что в распоряжении налогового органа имелась информация, из которой можно было бы сделать разумный вывод об отсутствии у должника денежных средств, достаточных для обслуживания имеющихся долгов.

Принудительное же исполнение обязанности по уплате налоговых платежей на основании инкассовых поручений в силу ст. 46 НК РФ является ординарным способом погашения задолженности, применяемым

при нежелании налогоплательщика (налогового агента) погасить долг перед бюджетом в добровольном порядке по различным причинам, в том числе не связанным с фактической несостоятельностью.

Поэтому само по себе выставление инкассовых поручений налоговой инспекцией не дает достаточных оснований для вывода о недобросовестности поведения налогового органа по отношению к иным кредиторам должника.

Судам также следует учитывать, что п. 4 ст. 61⁴ Закона о банкротстве (в ред. Закона № 222-ФЗ) установлен специальный критерий недобросовестности, который применяется в отношении обязательных платежей.

В соответствии с новой редакцией данной нормы в том случае, когда органом, осуществляющим взыскание обязательных платежей, не допущено нарушение требований законодательства (обязательные платежи начислены в соответствии с законом, действия по их взысканию совершены в установленные сроки и т.п.), предусмотренные ст. 61³ Закона о банкротстве неблагоприятные для органа последствия наступают при условии, что на момент исполнения обязанности по уплате обязательных платежей в его распоряжении действительно имелись сведения о наличии у должника уже просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами, которые не были погашены до возбуждения дела о банкротстве, что позволяло сделать однозначный вывод о получении предпочтения при удовлетворении публичных требований.

На основании п. 10 ст. 13 Закона № 222-ФЗ данный специальный критерий недобросовестности учитывается судом, если рассматриваемое заявление о признании сделки (действий) недействительной подано 1 сентября 2016 г. или позднее.

16. Исполнение обязанности по внесению обязательных платежей не выходит за рамки обычной хозяйственной деятельности должника для целей применения п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве, если по размеру и срокам уплаты (взыскания) данные платежи не отличаются существенным образом от аналогичных платежей, ранее неоднократно совершенных должником или за его счет.

В судебной практике возник вопрос, исходя из каких критериев следует определять соответствие действий, направленных на исполнение обязанности по уплате (взысканию) обязательных платежей, стандартам обычной хозяйственной деятельности должника, когда такие действия повлекли предпочтительное удовлетворение требований по обязательным платежам и оспариваются в деле о банкротстве на основании п. 2 ст. 61³ Закона о банкротстве.

По смыслу п. 2 ст. 61³ Закона о банкротстве в случае, когда сделки (действия), повлекшие предпочтительное удовлетворение требований одного из кредиторов, совершены в течение одного месяца до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или после указанного момента, они могут быть признаны недействительными вне зависимости от того, было ли такому кредитору известно о неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника.

Отступление от данного правила предусмотрено п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве, которым исключена возможность признания недействительными сделок (действий), повлекших предпочтительное удовлетворение требований кредиторов, если они совершены в обычной хозяйственной деятельности, осуществляемой должником (при условии соответствия цены сделки (операции) пороговому значению, установленному данной нормой).

Удовлетворяя требования кредитора в рамках своей обычной хозяйственной деятельности, должник не дает такому лицу разумных оснований сомневаться в правомерности своих действий. В связи с этим на доб-

росовестного кредитора, которому не должно было быть известно о получении им предпочтения перед иными кредиторами, не возлагаются негативные последствия, которые предусмотрены п. 1 ст. 61³ Закона о банкротстве.

Следовательно, для применения п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве к действиям по исполнению обязанности по уплате (взысканию) обязательных платежей имеет значение, насколько обычными для должника являлись их размер и срок осуществления в сравнении с теми обязательными платежами, которые ранее неоднократно совершались им или за его счет.

Данные обстоятельства доказываются лицом, получившим предпочтительное удовлетворение своих требований.

Определяя при этом соответствие оспариваемых действий суммовому порогу, установленному п. 2 ст. 61⁴ Закона о банкротстве (не более одного процента от стоимости активов должника), следует учитывать, что по общему правилу в качестве единой сделки (взаимосвязанных действий) не может рассматриваться списание денежных средств по нескольким платежным документам, которые относятся к обязательным платежам разного вида (не относятся к одному и тому же налогу) и различным отчетным (налоговым) периодам.

В то же время в качестве единой сделки (взаимосвязанных действий) следует рассматривать списание денежных средств разными платежными документами, но во исполнение одного решения налогового органа, принятого по результатам налоговой проверки.

Судам также следует учитывать, что в силу п. 10 ст. 13 Закона № 222-ФЗ при рассмотрении заявлений об оспаривании сделок (действий) по уплате (взысканию) обязательных платежей, поданных после 1 сентября 2016 г., такие действия могут быть признаны недействительными на основании пп. 1 и 2 ст. 61³ Закона о банкротстве, если в соответствии с п. 4 ст. 61⁴ Закона о банкротстве будет установлено, что органы, осуществляющие взыскание обязательных платежей, действительно обладали сведениями о наличии у должника просроченных денежных обязательств перед конкурсными кредиторами, что позволяло сделать однозначный вывод о получении предпочтения при удовлетворении публичных требований.

При этом с момента официального опубликования сведений о введении наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства считается, что органы, осуществляющие взыскание обязательных платежей, обладают информацией о наличии у должника неисполненных в установленный срок требований по денежным обязательствам.

Положения ст. 61³ и п. 4 ст. 61⁴ Закона о банкротстве в редакции Закона № 222-ФЗ не исключают возможность предъявления должником, внешним или конкурсным управляющим требований, направленных на возврат должнику излишне взысканных (уплаченных) обязательных платежей (ст. 79 НК РФ, ст. 27 Закона о страховых взносах и другие аналогичные нормы). Такие требования рассматриваются вне рамок дела о банкротстве.

17. Осуществление налоговым органом зачета имеющейся у должника переплаты по налогам в счет погашения задолженности по текущим налоговым платежам может быть оспорено по правилам ст. 61³ Закона о банкротстве, если эти действия повлекли нарушение очередности удовлетворения требований по текущим платежам. При этом должна учитываться осведомленность налоговой инспекции о нарушении очередности текущих платежей.

Конкурсный управляющий должником обратился в суд в рамках дела о банкротстве с заявлением о признании недействительными действий налоговой ин-

спекции по осуществлению зачета имевшейся у должника переплаты по налогам в счет погашения задолженности по текущим налоговым платежам.

В обоснование требований конкурсный управляющий указал, что на момент зачета у должника имела непогашенная задолженность перед работниками по оплате труда, которая в соответствии п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве имеет более приоритетную очередность удовлетворения по отношению к исполнению текущих обязательных платежей.

Налоговая инспекция требования конкурсного управляющего не признала, мотивировав свою позицию тем, что решение о зачете принято в пределах полномочий, установленных ст. 78 НК РФ.

Рассмотрев обособленный спор, суд первой инстанции удовлетворил заявленные конкурсным управляющим требования по следующим основаниям.

Положениями п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве предусмотрено, что требования кредиторов по текущим платежам имеют приоритет над требованиями иных кредиторов и удовлетворяются за счет конкурсной массы вне очереди.

При недостаточности конкурсной массы для погашения всех текущих платежей их удовлетворение согласно п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве должно происходить в определенной данной нормой очередности, исходя из которой требования по текущим обязательным платежам отнесены к пятой очереди. Более высокую вторую очередь удовлетворения в силу данной нормы Закона о банкротстве имеют, в частности, текущие требования кредиторов по оплате труда.

Произведенный налоговым органом зачет выступает формой взыскания задолженности по текущим платежам за счет излишне уплаченных сумм налогов, которые причитаются должнику к возврату из бюджета и, соответственно, должны формировать конкурсную массу, использоваться в очередности, предписанной ст. 134 Закона о банкротстве.

Поскольку у должника имеется текущая задолженность по оплате труда, а конкурсной массы недостаточно для ее погашения, такие действия налоговой инспекции повлекли предпочтительное удовлетворение ее требований в обход очередности, установленной п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве, и эти негативные последствия не могут быть устранены иным способом, кроме как путем восстановления первоначального положения по правилам, установленным ст. 61³ Закона о банкротстве.

Суд апелляционной инстанции признал правильными выводы суда первой инстанции о допустимости оспаривания в деле о банкротстве действий по зачету налоговых платежей по правилам об оспаривании сделок, однако пришел к выводу об отказе в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, обратив внимание на следующее.

Статья 61³ Закона о банкротстве позволяет оспаривать сделки (действия), повлекшие предпочтительное удовлетворение требований кредиторов, но не устанавливает особенности применения данной нормы к требованиям, возникшим после возбуждения дела о банкротстве.

В связи с этим при применении ст. 61³ Закона о банкротстве к сделкам (действиям) по удовлетворению текущих требований кредиторов следует также учитывать, отвечает ли поведение кредитора общему критерию добросовестности при получении им имущества от должника: знал или должен ли был знать кредитор о нарушении очередности погашения текущих платежей.

Бремя доказывания этих фактов лежит на лице, оспаривающем сделку.

Из обстоятельств дела не следует, что налоговая инспекция не могла не знать о наличии непогашенных текущих требований работников должника.

При этом зачет встречных требований произведен налоговой инспекцией в соответствии с положениями ст. 78 НК РФ, в силу которой для принятия решения о зачете достаточно установить наличие соответствующей недоимки у должника.

Судам также следует учитывать, что п. 4 ст. 61⁴ Закона о банкротстве (в ред. Закона № 222-ФЗ) установлен специальный критерий недобросовестности, который применяется в отношении оспаривания зачета переплаты по налогам в счет погашения текущих обязательных платежей: лицом, оспаривающим такой зачет, должна быть доказана реальная осведомленность налогового органа о нарушении спорным зачетом очередности удовлетворения текущих платежей.

Исполнение обязанности по уплате обязательных платежей в процедурах банкротства

18. Суд удовлетворил жалобу уполномоченного органа на действия конкурсного управляющего, приведшие к необоснованному увеличению текущих расходов и их уплате как эксплуатационных, поскольку они привели к бесосновательному неосуществлению расчетов по обязательным платежам.

В рамках дела о банкротстве комбината уполномоченный орган обратился в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего, выразившиеся в нарушении очередности удовлетворения текущих платежей, а именно в преимущественном возмещении затрат должника на осуществление хозяйственной деятельности в период конкурсного производства по отношению к задолженности по обязательным платежам.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении жалобы отказал.

Как указали судебные инстанции, до принятия собранием кредиторов решения о прекращении хозяйственной деятельности комбината у конкурсного управляющего должником отсутствовали основания для остановки производства. В действиях управляющего по отнесению расходов на приобретение сырья, изготовление и сбыт готовой продукции к эксплуатационным платежам, удовлетворяемым в составе третьей очереди текущих платежей, отсутствуют признаки нарушения законодательства о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по обособленному спору судебные акты и направила данный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

Цель конкурсного производства заключается в последовательном проведении мероприятий по формированию конкурсной массы и ее реализации для проведения расчетов с кредиторами. Поэтому срок, в течение которого может сохраняться производственная деятельность должника в данной процедуре, должен соотноситься с периодом времени, необходимым и достаточным для выполнения эффективным арбитражным управляющим упомянутых процедур, направленных на выявление и реализацию имущества.

При этом по смыслу п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве к эксплуатационным платежам могут быть отнесены расходы на сохранение имущества должника и поддержание его в надлежащем состоянии до момента продажи. Иные затраты подлежат включению в состав пятой очереди текущих платежей.

Отнесение всех расходов, непосредственно формирующих цепочку технологического процесса по производству и реализации продукции должника, к эксплуатационным платежам и придание им приоритета перед

обязательными платежами противоречит принципам очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов.

19. При возникновении задолженности по текущим обязательным платежам уполномоченный орган вправе принять решения об обращении взыскания на денежные средства должника в банке и выставить инкассовые поручения. Решение о взыскании задолженности за счет иного имущества должника в процедуре конкурсного производства уполномоченным органом не принимается.

В практике судов возникают вопросы о порядке принудительного исполнения текущих требований по обязательным платежам в процедурах банкротства. При решении данных вопросов надлежит учитывать следующее.

Кредиторы по текущим платежам не являются лицами, участвующими в деле о банкротстве, а требования уполномоченного органа о взыскании таких обязательных платежей предъявляются вне рамок дела о банкротстве.

Следовательно, в случае выявления налоговой недоимки по текущим платежам уполномоченный орган обязан направить должнику требование об уплате недоимки в порядке и сроки, установленные ст.ст. 69, 70 НК РФ, а также принять решение о взыскании текущих обязательных платежей в бесспорном порядке за счет денежных средств на счета должника (ст. 46 НК РФ) и направить в банк инкассовое поручение.

Кроме того, учитывая, что в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления исполнительное производство по текущим платежам не приостанавливается (п. 1 ст. 96 Закона об исполнительном производстве), при наличии соответствующих оснований уполномоченный орган обязан принять решение о взыскании недоимки за счет иного имущества должника в порядке и сроки, предусмотренные ст. 47 НК РФ, и направить судебным приставам-исполнителям соответствующее постановление.

При этом необходимо принимать во внимание, что в силу абз. 10 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве с момента введения в отношении должника процедуры конкурсного производства исполнение обязательств должника, в том числе по исполнению судебных актов, актов иных органов, должностных лиц, вынесенных в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, осуществляется конкурсным управляющим. Одновременно снимаются ранее наложенные аресты на имущество должника и иные ограничения по распоряжению его имуществом. Основанием для снятия арестов на имущество должника является решение суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, а наложение новых арестов на имущество должника и иных ограничений распоряжения имуществом должника не допускается (абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве).

Таким образом, решение о взыскании задолженности за счет иного имущества должника (ст. 47 НК РФ) в процедуре конкурсного производства уполномоченным органом не принимается. В связи с этим в случае последующего прекращения производства по делу о банкротстве по любым основаниям период конкурсного производства не включается в срок принудительного взыскания недоимки по обязательным платежам, установленный абз. 3 п. 1 ст. 47 НК РФ.

Судам также следует учитывать, что к числу прав уполномоченного органа в качестве кредитора по текущим платежам в силу п. 4 ст. 5, абз. 4 п. 2 ст. 35 Закона о банкротстве также относится право на участие в арбитражном процессе по делу о банкротстве.

Такое участие может заключаться как в обжаловании действий или бездействия арбитражного управляющего, так и в использовании иных механизмов,

предусмотренных законодательством о банкротстве в случае, если это необходимо для защиты законных интересов Российской Федерации как кредитора по текущим платежам.

20. Уполномоченный орган вправе требовать возмещения убытков арбитражным управляющим, не перечислившим в бюджет налог на доходы физических лиц, удержанный при осуществлении от имени должника текущих платежей в пользу граждан, если конкурсной массы (с учетом будущих поступлений) недостаточно для удовлетворения упомянутых требований уполномоченного органа.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего, в которой также заявил требование о возмещении убытков.

Рассмотрев обособленный спор, суд первой инстанции установил следующее.

Осуществляя хозяйственную деятельность, необходимую для целей конкурсного производства, должник в лице конкурсного управляющего регулярно выплачивал заработную плату находящимся в его штате лицам, удерживая из указанных выплат налог на доходы физических лиц. Однако вместо перечисления сумм налога в бюджет конкурсный управляющий осуществил выплаты по текущим платежам следующих очередей, в частности направил имеющиеся в конкурсной массе денежные средства на оплату услуг привлеченных лиц, а также на погашение эксплуатационных расходов. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу, что допущенное конкурсным управляющим бездействие по непременности налога в бюджет противоречит п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве, и признал его незаконным.

В то же время суд отказал в возмещении убытков, исчисленных уполномоченным органом в размере неперечисленного в бюджет налога, указав, что как текущие, так и реестровые требования не могут по своей природе быть квалифицированы в качестве убытков.

Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции в части отказа в возмещении убытков и в указанной части удовлетворил требования уполномоченного органа в полном объеме.

Как указал суд, по смыслу п. 4 ст. 20⁴ Закона о банкротстве арбитражный управляющий обязан возместить любые убытки, причиненные в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, в том числе составляющие сумму текущих платежей, возможность удовлетворения которых за счет конкурсной массы утрачена по вине арбитражного управляющего.

В другом деле уполномоченный орган также просил признать незаконными действия (бездействие) конкурсного управляющего и обязать его возместить убытки, указав, что при выплате заработной платы за один месяц конкурсный управляющий не перечислил в бюджет удержанный при этом налог на доходы физических лиц, приступив к расчетам по заработной плате за следующий месяц.

Суды первой и апелляционной инстанций признали бездействие конкурсного управляющего незаконным и взыскали удержанную у работников сумму налога в качестве убытков.

При этом суды отметили, что конкурсным управляющим нарушена очередность погашения задолженности по текущим платежам внутри одной очереди. Так, одновременно с перечислением заработной платы за первый месяц конкурсный управляющий должен был уплатить в бюджет сумму удержанного налога за этот период, после чего он вправе был производить расчеты по заработной плате за следующий месяц.

Согласившись с выводами судов первой и апелляционной инстанций о необходимости соблюдения календарной очередности при осуществлении текущих

платежей одной очереди, суд округа тем не менее отменил принятые ими судебные акты.

Суд округа указал, что убытки подлежали возмещению только в той сумме, которую уполномоченный орган получил бы при совершении текущих платежей второй очереди в надлежащей последовательности.

Поскольку конкурсной массы было недостаточно для выплаты в полном объеме как заработной платы за два месяца, так и удержанного из нее налога, размер убытков не мог составить сумму удержанного за эти два месяца налога.

Иные вопросы участия уполномоченного органа в деле о банкротстве и применяемых в нем процедурах банкротства

21. Кредитор, выразивший согласие на погашение требований путем принятия отступного, обязан обеспечить соблюдение принципа очередности и пропорциональности удовлетворения требований уполномоченного органа и иных кредиторов, осуществив в их пользу соответствующие выплаты.

В практике судов возник вопрос относительно порядка погашения кредитором, принявшим имущество в качестве отступного, требований иных кредиторов и уполномоченного органа.

По общему правилу в случае, если специальный порядок реализации имущества должника путем проведения нескольких последовательных торгов, в том числе посредством публичного предложения (ст.ст. 110, 111, 139 Закона о банкротстве), не привел к реализации этого имущества ввиду отсутствия спроса, оно может быть передано кредиторам в качестве отступного.

Согласно абз. 3 п. 8 ст. 142 Закона о банкротстве (в редакции, действовавшей до вступления в силу Закона № 222-ФЗ) погашение требования предоставлением отступного допускается только при условии соблюдения принципов очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов.

При этом принцип очередности предполагает возможность погашения требований кредитора путем предоставления ему отступного только при полном погашении таким кредитором требований иных кредиторов приоритетной очередности (независимо от стоимости имущества, передаваемого в качестве отступного).

Кроме того, законодательно установленное правило о необходимости соблюдения принципа пропорциональности означает следующее. Принимающий отступное кредитор сверх того перечисляет на счет должника сумму, определяемую как разность между стоимостью имущества и размером требований принимающего отступного кредитора, которые были бы погашены за счет продажи данного имущества третьему лицу по цене отступного, если бы отсутствовали требования кредиторов приоритетной очередности. Эта дополнительная сумма подлежит распределению между иными кредиторами той же очередности, к которой относится принимающий отступное кредитор, пропорционально размеру их требований к должнику, включенных в реестр.

Судам также следует учитывать, что ст. 142¹ Закона о банкротстве (в ред. Закона № 222-ФЗ) частично изменены правила принятия имущества в качестве отступного. В частности, кредиторы, считающиеся отказавшимися от погашения своих требований путем предоставления отступного (пп. 12 и 13 ст. 142¹ Закона о банкротстве), не вправе требовать получения имущества в натуре или денежных средств от кредитора, заключившего соглашение об отступном. При этом уполномоченный орган и кредиторы, чьи требования в силу закона могут быть погашены только в денежной форме, согласие на получение отступного не направляют,

их требования погашаются пропорционально размеру погашаемых требований кредитора, заключившего соглашение об отступном, за счет денежных средств последнего, вносимых на специальный банковский счет должника (п. 14 ст. 142¹ Закона о банкротстве).

22. В случае заключения уполномоченным органом и должником соглашения о погашении его требований по денежным обязательствам, не являющимся обязательными платежами, предоставлением имущества в качестве отступного, конкурсный управляющий не вправе претендовать на получение процентов по своему вознаграждению за счет уполномоченного органа.

Погашение задолженности по обязательным платежам предоставлением отступного в неденежной форме законодательно ограничено (ст. 8 НК РФ), однако уполномоченный орган вправе принять в качестве отступного имущество должника в погашение требований Российской Федерации по иным денежным обязательствам.

При рассмотрении вопросов об уплате процентов по вознаграждению конкурсного управляющего следует учитывать, что погашение требований уполномоченного органа, кредитора путем заключения соглашения об отступном (п. 8 ст. 142 Закона о банкротстве, ст. 142¹ Закона о банкротстве (в ред. Закона № 222-ФЗ)) обусловлено действиями этих лиц, направленными на обеспечение исполнения обязательств перед ними и осуществляемыми вследствие нерезультативности проведенных арбитражным управляющим мероприятий по реализации имущества должника.

По общему правилу проценты по вознаграждению арбитражного управляющего являются стимулирующей частью его дохода, поэтому погашение требований уполномоченного органа, кредиторов способами, не связанными с эффективным осуществлением конкурсных управляющим мероприятий в рамках соответствующей процедуры банкротства, не может рассматриваться как основание для выплаты такого дополнительного стимулирующего вознаграждения.

Таким образом, по смыслу ст. 20⁶ Закона о банкротстве в базу для расчета процентов по вознаграждению конкурсного управляющего не включаются суммы требований, погашенные путем предоставления нереализованного имущества в качестве отступного. В частности, при погашении требований Российской Федерации по денежным обязательствам посредством предоставления отступного конкурсный управляющий не вправе претендовать на получение процентов по своему вознаграждению за счет уполномоченного органа.

23. Суд оставляет без рассмотрения поданное в порядке главы 24 АПК РФ заявление о признании незаконными решений (действий, бездействия) уполномоченного органа, принятых (совершенных) в рамках реализации его полномочий по представлению интересов Российской Федерации в деле о банкротстве (применяемых в нем процедурах), если возникающие в связи с реализацией данных полномочий споры подлежат разрешению в деле о банкротстве.

Хозяйственное общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к уполномоченному органу, в котором просило признать незаконными его действия по подаче в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом.

По мнению заявителя, уполномоченный орган преждевременно обратился в суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве) общества, поскольку им не были совершены необходимые действия по принудительному взысканию задолженности.

Суд первой инстанции оставил заявление без рассмотрения, сочтя, что оно было принято к производству ошибочно.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ арбитражный суд оставляет заявление без рассмотрения, если после его принятия к производству установит, что на разрешение суда передано требование, которое в соответствии с федеральным законом должно быть рассмотрено в деле о банкротстве.

В данном случае рассмотрение вопроса об обоснованности заявления уполномоченного органа согласно п. 1 ст. 48 Закона о банкротстве отнесено к компетенции арбитражного суда, разрешающего дело о банкротстве.

Так, выражая несогласие с действиями уполномоченного органа по обращению в суд, общество фактически оспаривало обоснованность заявления уполномоченного органа. Кроме того, при осуществлении полномочий по обращению в суд уполномоченный орган не совершал действий административно-властного характера по отношению к обществу.

Следовательно, подобный спор не может разрешаться по правилам главы 24 АПК РФ.

В другом деле суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, которым удовлетворено заявление о признании незаконными действий территориального органа ФНС России по направлению временному управляющему требования о созыве собрания кредиторов по мотиву нарушения уполномоченным органом положений приказа ФНС России от 3 октября 2012 г. № ММВ-7-8/663@ “Об утверждении Порядка разграничения полномочий уполномоченного органа по представлению интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, между центральным аппаратом ФНС России и территориальными органами ФНС России”.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что заявителем избран ненадлежащий способ защиты своих прав. Территориальный орган ФНС России в данной ситуации не выступал в качестве государственного органа, чьи действия могли быть оспорены в порядке, предусмотренном главой 24 АПК РФ, поскольку он не обладал в отношении должника, его кредиторов и временного управляющего какими-либо властными полномочиями и не реализовывал эти полномочия. Действия же, связанные с подготовкой, созывом и проведением собраний кредиторов, могут быть оспорены путем предъявления в рамках дела о банкротстве требований о признании решений таких собраний недействительными в порядке, установленном п. 4 ст. 15 Закона о банкротстве.

24. При освобождении (отстранении) конкурсного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей уполномоченный орган вправе инициировать проведение собрания кредиторов на основании абз. 4 п. 1 ст. 14 Закона о банкротстве и провести его применительно к правилам п. 5 ст. 12 Закона о банкротстве.

Предусмотренный п. 6 ст. 45 Закона о банкротстве 10-дневный срок для выбора кандидатуры нового арбитражного управляющего исчисляется с момента вынесения судом определения об освобождении (отстранении) предыдущего арбитражного управляющего. Нарушение указанного 10-дневного срока не является основанием для отказа в назначении того арбитражного управляющего, который предложен собранием кредиторов.

При осуществлении процедуры конкурсного производства арбитражный управляющий обратился с заявлением об освобождении его от занимаемой должности.

Суд первой инстанции, выводы которого поддерживали суды апелляционной инстанции и округа, рассмотрев заявленное ходатайство, прекратил полномо-

чия конкурсного управляющего (абз. 2 п. 1 ст. 144 Закона о банкротстве). Одновременно с этим суд принял решение об утверждении нового конкурсного управляющего, чья кандидатура была предложена саморегулируемой организацией, членом которой являлся предыдущий арбитражный управляющий.

Отклоняя доводы уполномоченного органа, обладавшего более чем 90 процентами голосов на собрании кредиторов и возражавшего против кандидатуры вновь назначенного управляющего, суд сослался на то, что право выбора кандидатуры нового арбитражного управляющего либо иной саморегулируемой организации не было реализовано в течение 10 дней со дня подачи предыдущим конкурсным управляющим заявления об освобождении его от занимаемой должности, а потому применению подлежит п. 6 ст. 45 Закона о банкротстве, в соответствии с которым суд назначает арбитражного управляющего из саморегулируемой организации, членом которой являлся освобожденный (отстраненный) арбитражный управляющий.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по спору судебные акты в части утверждения нового конкурсного управляющего, где в числе прочих выводов обратила внимание на следующее.

Десятидневный срок для проведения собрания кредиторов по вопросу о выборе нового арбитражного управляющего исчисляется не со дня обращения предыдущего управляющего с ходатайством об освобождении его от занимаемой должности (обращения кредитора с требованием об отстранении и т.д.), а со дня фиксации факта прекращения полномочий в процессуальном порядке, т.е. со дня вынесения судом определения об освобождении (отстранении) конкурсного управляющего от занимаемой им должности.

Кроме того, само по себе нарушение упомянутого срока не влечет за собой утрату собранием кредиторов права на выбор нового конкурсного управляющего и не является основанием для отказа в назначении того арбитражного управляющего, который предложен собранием кредиторов к моменту проведения судебного заседания по вопросу об утверждении нового арбитражного управляющего. При этом в период, когда у должника фактически отсутствует арбитражный управляющий, проведение собрания кредиторов для решения соответствующего вопроса может быть инициировано лицами, указанными в абз. 3—5 п. 1 ст. 14 Закона о банкротстве. В этом случае собрание проводится применительно к правилам п. 5 ст. 12 Закона о банкротстве.

Поскольку судебный акт, принятый без учета данных положений, привел к ущемлению законных интересов уполномоченного органа, голосовавшего за выбор кандидатуры другого арбитражного управляющего, Судебная коллегия направила вопрос об утверждении кандидатуры конкурсного управляющего на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

25. Арбитражный управляющий вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о взыскании с уполномоченного органа расходов на проведение процедуры банкротства отсутствующего должника при условии, что уполномоченный орган отказал в осуществлении выплаты, уклоняется от ее осуществления или возникли разногласия относительно размера этой выплаты.

В практике судов возник вопрос о порядке выплаты вознаграждения и возмещения расходов конкурсному управляющему за проведение процедуры банкротства в деле о несостоятельности отсутствующего должника, возбужденном по заявлению уполномоченного органа.

Пунктом 2 ст. 227 Закона о банкротстве к компетенции Правительства РФ отнесено определение порядка и условий финансирования уполномоченным органом процедур банкротства отсутствующего должника.

Пунктом 4 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников, утвержденного постановлением Правительства РФ от 21 октября 2004 г. № 573, предусмотрена обязанность арбитражного управляющего предварительно обратиться в уполномоченный орган и представить комплект документов, подтверждающих право арбитражного управляющего на компенсацию расходов в связи с проведением процедуры банкротства отсутствующего должника.

В случае если уполномоченный орган отказал в осуществлении выплаты, уклоняется от ее осуществления или возник спор относительно размера выплаты, арбитражный управляющий вправе обратиться в суд с заявлением о разрешении соответствующих разногласий.

Если арбитражный управляющий предварительно не обращался к уполномоченному органу с требованием о выплате вознаграждения и возмещении расходов, суд оставляет его заявление без рассмотрения на основании п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

26. При разрешении заявления уполномоченного органа о привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности на основании п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве следует учитывать, что его обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве должника возникает в момент, когда находящийся в сходных обстоятельствах добросовестный и разумный менеджер в рамках стандартной управленческой практики должен был узнать о действительном возникновении признаков неплатежеспособности либо недостаточности имущества должника.

После завершения расчетов с кредиторами в процедуре конкурсного производства уполномоченный орган на основании п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении бывшего руководителя должника к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. В обоснование своего заявления уполномоченный орган сослался на то, что по состоянию на 1 сентября 2015 г. должник отвечал признаку недостаточности имущества ввиду значительного размера неисполненных обязательств по оплате обязательных платежей, превышавших размер активов должника.

Возражая против заявленных требований, бывший руководитель должника признал, что по состоянию на 1 сентября 2015 г. должник действительно отвечал признакам недостаточности имущества. Однако у него отсутствовала обязанность обратиться в арбитражный суд с заявлением должника о собственном банкротстве, поскольку вопрос о наличии недоимки по налоговым платежам не являлся очевидным, должник предпринимал действия по оспариванию решений налоговых органов о взыскании указанной недоимки.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требования уполномоченного органа о привлечении бывшего руководителя должника к субсидиарной ответственности, указав, что по смыслу абз. 36 и 37 ст. 2 Закона о банкротстве признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества носят объективный характер.

В связи с этим несоблюдение руководителем должника обязанности обратиться в суд с заявлением должника при наличии одного из указанных признаков в любом случае свидетельствует о возникновении оснований для удовлетворения требования о привлечении его к субсидиарной ответственности по правилам п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве.

Суд округа отменил судебные акты судов первой и апелляционной инстанций и направил обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

Суд согласился с тем, что признаки неплатежеспособности и недостаточности имущества имеют объек-

тивный характер и применительно к задолженности по обязательным платежам определяются по состоянию на момент наступления сроков их уплаты за соответствующие периоды финансово-хозяйственной деятельности должника, которые установлены законом, а не на момент выявления недоимки налоговым органом по результатам проведенных в отношении должника мероприятий налогового контроля либо оформления результатов таких мероприятий.

Вместе с тем по смыслу абз. 6 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве обязанность руководителя обратиться с заявлением должника возникает в момент, когда находящийся в сходных обстоятельствах добросовестный и разумный менеджер в рамках стандартной управленческой практики должен был узнать о действительном возникновении признаков неплатежеспособности либо недостаточности имущества должника, в том числе по причине просрочки в исполнении обязанности по уплате обязательных платежей.

При этом довод ответчика о том, что вопрос о правомерности требований налогового органа об уплате недоимки на момент принятия инспекцией соответствующего решения не являлся очевидным в том числе по причине отсутствия единообразия в применении налогового законодательства, вследствие чего невозможно было сделать однозначный вывод о наличии спорной недоимки, не получил какой-либо правовой оценки со стороны судов первой и апелляционной инстанций.

В другом деле уполномоченным органом заявлено аналогичное требование, которое суды трех инстанций удовлетворили.

Приняв во внимание обычные условия делового оборота, суды учли, что директор должника должен был знать о фактическом наличии вмененной недоимки, отслеживание информации о состоянии расчетов с бюджетом по налогам входит в круг его обязанностей. К тому же задолженность по обязательным платежам доначислена налоговым органом ввиду выявления схемы оптимизации налогообложения, о незаконности которой директор должен был знать, поскольку судебная практика по вопросу о правомерности использования подобной схемы на протяжении длительного периода времени являлась устоявшейся и единообразной.

При таких условиях суды пришли к выводу, что бывший руководитель должен был знать о наличии признаков недостаточности имущества должника и был обязан обратиться в суд с заявлением должника. Поскольку ответчик указанную обязанность не исполнил, суды привлекли его к субсидиарной ответственности по правилам п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве.

27. Переход статуса заявителя по делу о банкротстве к иному лицу не предоставляет ему права пересмотреть предложенную первым заявителем кандидатуру арбитражного управляющего.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о признании акционерного общества несостоятельным (банкротом). В своем заявлении он просил ввести в отношении должника процедуру наблюдения, назначить предложенного им временного управляющего, признать обоснованными заявленные требования и включить их в третью очередь реестра требований кредиторов.

После возбуждения производства по делу кооператив, подавший вслед за банком заявление о вступлении в дело, погасил требования банка к должнику в полном объеме, после чего обратился с ходатайством о процессуальной замене.

Суд первой инстанции осуществил процессуальное правопреемство на стороне заявителя по делу о банкротстве, заменив банк на кооператив. Кроме того, суд объединил для совместного рассмотрения требования кооператива, указанные им в заявлении о вступлении в дело, и требования, перешедшие к кооперативу от банка.

По результатам рассмотрения обоснованности заявления суд первой инстанции, с которым согласились суды апелляционной инстанции и округа, ввел в отношении должника процедуру наблюдения, включил требования кооператива в третью очередь реестра требований кредиторов и назначил предложенного кооперативом временного управляющего.

Уполномоченный орган обжаловал судебные акты в части утверждения временного управляющего в Верховный Суд РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ кассационную жалобу уполномоченного органа удовлетворила и судебные акты в части утверждения временного управляющего отменила, указав следующее.

Несмотря на то, что в силу п. 5 ст. 313 ГК РФ на стороне заявителя по делу о банкротстве произошла суброгация, изменение субъектного состава правоотношения не предоставляет права новому заявителю (кооперативу) пересмотреть предложенную его правопреемником кандидатуру арбитражного управляющего.

В подобном случае назначению в качестве временного управляющего подлежит то лицо, которое указано в первом заявлении о признании должника банкротом.

Право на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации с учетом специфики отношений несостоятельности не может перейти ко второму заявителю независимо от того, погашено первоначально заявленное требование должником после подачи заявления в суд либо по нему осуществлено процессуальное правопреемство (абз. 2 п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве).

28. После введения первой процедуры по делу о банкротстве третье лицо в индивидуальном порядке вправе погасить только требования уполномоченного органа по обязательным платежам на основании положений ст.ст. 71¹, 85¹, 112¹ и 129¹ Закона о банкротстве.

Обязательства по иным требованиям могут быть исполнены третьим лицом лишь в процедурах внешнего управления либо конкурсного производства в соответствии со специальными правилами, установленными ст.ст. 113 и 125 Закона о банкротстве. Положения подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ после введения в отношении должника первой процедуры банкротства применению не подлежат.

В рамках дела о банкротстве должника комбинат перечислил акционерному обществу, являющемуся конкурсным кредитором, денежные средства в размере, эквивалентном сумме требований акционерного общества к должнику, и обратился с заявлением о процессуальном правопреемстве.

Суд первой инстанции названное ходатайство удовлетворил, заменив акционерное общество в реестре требований кредиторов должника на комбинат.

Суд указал, что должник допустил просрочку в исполнении денежных обязательств перед акционерным обществом, в связи с чем применению подлежат подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ.

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменил и в удовлетворении заявления о процессуальном правопреемстве отказал.

Апелляционный суд отметил, что положения подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ как допускающие исполнение обязательств перед отдельным кредитором в индивидуальном порядке не могут быть применены после введения в отношении должника первой процедуры банкротства.

В силу прямого законодательного регулирования третьим лицом индивидуально могут быть погашены только требования уполномоченного органа по обязательным платежам по правилам ст.ст. 71¹, 85¹, 112¹ и 129¹ Закона о банкротстве, которые являются специ-

альными по отношению к общим положениям абз. 4 п. 1 ст. 45 НК РФ.

Иные же обязательства должника перед кредиторами третье лицо вправе исполнить только посредством удовлетворения в полном объеме всех требований, включенных в реестр, либо в процедуре внешнего управления, либо в процедуре конкурсного производ-

ства (ст.ст. 113 и 125 Закона о банкротстве). При этом названное регулирование не означает, что конкурсный кредитор не вправе уступить принадлежащее ему требование к должнику на основании договора цессии.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
20 декабря 2016 г.)*

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ХОДАТАЙСТВ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И О ПРОДЛЕНИИ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Верховным Судом РФ изучена практика рассмотрения судами за период 2015—2016 годы ходатайств органов предварительного расследования об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых в качестве меры пресечения заключения под стражу и о продлении срока содержания обвиняемых под стражей.

Судебная защита права каждого на свободу и личную неприкосновенность гарантирована ст. 22 Конституции Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права. Заключение под стражу — наиболее строгая, ограничивающая свободу личности мера пресечения, которая применяется только при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и допускается исключительно по судебному решению (ст.ст. 108 и 109 УПК РФ).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды при рассмотрении указанных выше ходатайств в основном правильно применяли положения уголовно-процессуального закона, руководствуясь при этом разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ:

от 19 декабря 2013 г. № 41 “О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога” (ред. от 24 мая 2016 г.);

от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” (ред. от 5 марта 2013 г.);

от 29 июня 2010 г. № 17 “О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве” (ред. от 9 февраля 2012 г.);

от 1 февраля 2011 г. № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних” (ред. от 2 апреля 2013 г.);

от 14 июня 2012 г. № 11 “О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания” (ред. от 3 марта 2015 г.);

от 27 ноября 2012 г. № 26 “О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции” (ред. от 1 декабря 2015 г.);

от 27 июня 2013 г. № 21 “О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней”;

от 28 января 2014 г. № 2 “О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции” (ред. от 3 марта 2015 г.);

а также учитывали постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. “О рассмотрении результатов обобщения судебной практики об

избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений”.

Кроме того, судами принимались во внимание правовые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

1. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу

1.1. Изучение судебной практики показало, что при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суды учитывали, что необходимым условием законности содержания под стражей является наличие обоснованного подозрения в совершении преступления (подп. “с” п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; Определения Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О, от 19 июня 2007 г. № 592-О-О; п. 2 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41).

При отсутствии достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения лица, суды отказывали в удовлетворении вышеназванных ходатайств.

Постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении И. преступления. Кроме того, при принятии решения судом было учтено мнение участвовавшего в судебном заседании прокурора, который просил отказать в удовлетворении ходатайства, полагая, что представленных следователем доказательств недостаточно для вывода о причастности И. к преступлению.

Суды правильно полагали, что вывод об обоснованности подозрения должен подтверждаться данными, свидетельствующими о причастности подозреваемого, обвиняемого к преступлению. В качестве таких данных не могут рассматриваться доказательства, подтверждающие само событие преступления.

Постановлением Советского районного суда г. Казани от 9 ноября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 219, ч. 2 ст. 201, ч. 1 ст. 327, ч. 3 ст. 238 УК РФ. Уголовное дело в отношении группы лиц, в том числе С. — председателя совета директоров коммерческой организации “У”, было возбуждено в связи с пожаром в принадлежащем этой организации здании торгового комплекса “А”.

Принятое решение суд мотивировал тем, что в качестве доказательств обоснованности подозрения в причастности С. к инкриминируемым ему преступлениям суду представлены копии допросов свидетелей и документы, свидетельствующие только о факте пожара в результа-

те нарушения норм пожарной безопасности, однако не представлены данные о том, что коммерческая организация "У" имеет какое-либо отношение к эксплуатации торгового комплекса "А", ведет на объекте какую-либо производственную деятельность и оказывает услуги, а С. является должностным лицом, ответственным за нарушение требований пожарной безопасности на данном объекте.

В соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ суды при мотивировании вывода об обоснованности подозрения, как правило, ссылались на доказательства, представленные органами предварительного расследования, кратко излагая в постановлении их содержание. Однако в отдельных случаях доказательства, содержащие такие данные, не исследовались в судебном заседании и не приводились судом в постановлении. Подобные ошибки устранялись вышестоящими судами.

Например, Невский районный суд г. Санкт-Петербурга, принимая 9 апреля 2015 г. решение о заключении под стражу В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. "б" ч. 4 ст. 158 УК РФ, указал в постановлении, что представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения В. При этом суд не указал, какие материалы позволили прийти к такому выводу.

28 апреля 2015 г. Санкт-Петербургский городской суд в апелляционном порядке отменил постановление, так как установил, что согласно протоколу судебного заседания в судебном заседании какие-либо материалы не исследовались.

Или другой пример, когда в постановлении не содержалось указания на то, что суд проверил обоснованность подозрения лица в совершении преступления.

Рузский районный суд Московской области в постановлении от 19 февраля 2016 г. о заключении под стражу Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. "а" ч. 3 ст. 158 УК РФ, ничего не указал относительно обоснованности подозрения Б. в совершении преступления. Принятое решение суд мотивировал тяжестью преступления и данными о личности Б., которые, по его мнению, свидетельствуют о невозможности избрания более мягкой меры пресечения.

Апелляционным постановлением Московского областного суда от 3 марта 2016 г. постановление отменено, так как суд первой инстанции не проверил обоснованность подозрения Б. в совершении преступления.

С учетом того, что при разрешении вопроса о заключении под стражу суд не предпринимает вопрос о виновности, а лишь констатирует достаточность или недостаточность оснований для заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу, в постановлении не должно содержаться формулировок, свидетельствующих о совершении подозреваемым, обвиняемым преступления. Несмотря на это в отдельных постановлениях встречались подобные формулировки, в частности: "органами предварительного следствия установлено, что лицо совершило преступление"; "жестокость, с которой подозреваемый или обвиняемый совершил преступление"; "судимости, при наличии которых он совершил новое преступление".

Практика судов апелляционной инстанции по устранению таких ошибок складывается по-разному: одни суды изменяют постановление и исключают из него указание на "совершение" подозреваемым, обвиняемым преступления, другие — отменяют постановление, что в большей степени соответствует принципу презумпции невиновности подозреваемого, обвиняемого, обеспечению его прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве.

Апелляционным постановлением Брянского областного суда от 30 января 2015 г. отменено постановление Почепского районного суда от 20 января 2015 г. о заключении под стражу Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, так как суд сослался на характер и жестокость, с которой Б. "совершил" преступление. Рассмотрев ходатайство по существу, суд апелляционной инстанции принял новое решение об избрании в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражу.

1.2. При рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого суды в большинстве случаев во исполнение требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ обсуждали возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения.

При этом суды правильно исходили из того, что заключение под стражу не может быть обосновано только тяжестью преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Согласно взаимосвязанным положениям ст. 97, 99 и 108 УПК РФ тяжесть преступления является необходимым условием применения заключения под стражу, а также обстоятельством, которое подлежит учету при избрании любой иной меры пресечения. Однако сама по себе тяжесть преступления не может являться единственным и достаточным основанием для заключения под стражу. В связи с этим суды обоснованно отказывали в удовлетворении таких ходатайств в отношении подозреваемых, обвиняемых в том числе в совершении тяжких преступлений, если приходили к выводу о том, что не исключается возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Например, Устиновский районный суд г. Ижевска Удмуртской Республики 2 марта 2015 г. отказал в заключении под стражу А., обвиняемого в совершении тяжкого преступления, предусмотренного п. "з" ч. 2 ст. 161 УК РФ, сославшись на отсутствие доказательств того, что в отношении А. не может быть избрана иная, более мягкая, мера пресечения. Приняв во внимание данные о личности обвиняемого, который ранее не судим, имеет постоянное место жительства и работу, где характеризуется положительно, суд избрал в отношении А. домашний арест.

Исходя из требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ суды при удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, как правило, указывали в постановлении на конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства в случае применения в отношении лица иной меры пресечения.

В ряде случаев, отказывая в заключении под стражу и применяя иную, более мягкую, меру пресечения, суды избирали меры пресечения, для применения которых не требуется судебного решения, например подписку о невыезде и надлежащем поведении.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16 января 2015 г. мера пресечения в виде заключения под стражу, избранная 29 декабря 2014 г. Усть-Алданским районным судом в отношении Б., 1993 года рождения, подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных п. "в" ч. 2 ст. 158 и п. "б" ч. 2 ст. 158 УК РФ, изменена на подписку о невыезде.

В апелляционном постановлении указано, что судом первой инстанции не дано должной оценки совокупности сведений о личности подозреваемого Б., который ранее не судим, по месту жительства характеризуется положительно, зарегистрирован и проживает с родителями, личность его документально установлена, от органов предварительного следствия он не скрывался, вину признает, в содеянном раскаивается.

1.3. Суды учитывали, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу допускается только при наличии оснований, предусмотренных в ст. 97 УПК РФ, при условии, что имеются конкретные данные, подтверждающие, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания или предварительного следствия, может продолжать заниматься преступной деятельностью или угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. При отсутствии указания в постановлении на такие данные либо в тех случаях, когда их достоверность не проверялась в судебном заседании, суды вышестоящих инстанций отменяли судебные решения.

Например, удовлетворяя ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Д., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, Центральный районный суд г. Тольятти Самарской области в постановлении от 6 января 2015 г. вывод о том, что Д. скроется от предварительного следствия и может продолжить заниматься преступной деятельностью, обосновал «характером преступных проявлений» и «данными о личности» подозреваемого, не указав при этом в описательно-мотивировочной части постановления каких-либо сведений о личности Д.

Апелляционным постановлением Самарского областного суда от 21 января 2015 г. постановление отменено в связи с тем, что тяжесть преступления, в совершении которого подозревается Д., сама по себе не может служить основанием для избрания столь суровой меры пресечения. Каких-либо достоверных данных о том, что подозреваемый Д. скроется от следствия и суда, может воспрепятствовать производству по делу и продолжить заниматься преступной деятельностью, в представленных материалах не имеется. В то же время в материалах дела имеются сведения о том, что Д. впервые привлекается к уголовной ответственности, имеет постоянное место жительства и регистрации на территории Самарской области, личность его документально установлена, от органов предварительного следствия он не скрывался. Кроме того, он является студентом Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, по месту жительства, учебы и службы в рядах Российской Армии характеризуется положительно, вину в совершении преступления признает.

По другому делу Ковылкинский районный суд Республики Мордовия в постановлении от 8 сентября 2015 г., удовлетворяя ходатайство следователя о заключении под стражу Л., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, вывод о том, что Л. скроется от предварительного следствия, обосновал имеющейся оперативной информацией о намерении Л. выехать в г. Москву.

Верховный Суд Республики Мордовия 23 сентября 2015 г. отменил постановление в апелляционном порядке и отказал в удовлетворении ходатайства следователя, указав на то, что суд не привел в постановлении каких-либо конкретных фактических данных, не проверил и не дал надлежащей оценки оперативной информации, на наличие которой ссылался следователь.

Вывод о том, что подозреваемый, обвиняемый скроется от дознания или предварительного следствия, в связи с чем в отношении его необходимо избрать меру пресечения только в виде заключения под стражу, органы предварительного расследования чаще всего обосновывали отсутствием у лица регистрации в том регионе, где оно проживает или совершило преступление, отсутствием работы, разъездным или вахтовым ее характером, отсутствием семьи и иждивенцев, наличием судимости, возможностью воспользоваться имеющимся заграничным паспортом.

Между тем по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести при наличии указанных обстоятельств суды отказывали в удовлетворении ходатайства, если совокупность всех обстоятельств позволяла прийти к выводу о том, что для обеспечения условий беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства достаточно более мягкой меры пресечения, например домашнего ареста.

Райчихинский городской суд Амурской области в постановлении от 10 августа 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Г., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ. Вывод о невозможности применения в отношении Г. более мягкой меры пресечения дознаватель обосновал тем, что ранее судимый (в 2008 году — по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в 2009 году — по ч. 1 ст. 161 УК РФ) подозреваемый по месту жительства характеризуется отрицательно, злоупотребляет спиртными напитками, не женат, детей не имеет, не работает, законных источников дохода не имеет, поддерживает отношения с лицами, ведущими асоциальный образ жизни, склонен к совершению преступлений, ранее отбывал наказание в местах лишения свободы, освобожден 28 мая 2015 г.; преступление, в котором подозревается Г., относится к преступлениям средней тяжести. По мнению органа дознания, подозреваемый Г. на путь исправления не встал и, оставаясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью.

Не согласившись с доводами дознавателя о невозможности применения иной меры пресечения, суд избрал в отношении Г. домашний арест, указав, что подозреваемый имеет постоянное место жительства и регистрацию, явился с повинной, им даны показания о причастности к преступлению и полностью возмещен причиненный потерпевшей ущерб, а также что дознание находится на завершающей стадии и в течение недели уголовное дело может быть направлено в суд.

При разрешении ходатайств суды исходили из того, что по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести вывод о том, что лицо скроется от дознания или предварительного следствия, в отличие от случаев подозрения или обвинения лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, не может быть обоснован только тяжестью преступления. Такой подход согласуется с разъяснениями постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 (пп. 5 и 21), а также правовыми позициями Европейского Суда по правам человека (постановления от 8 февраля 2005 г. по делу «Панченко против Российской Федерации», § 102, от 9 апреля 2009 г. по делу «Кондратьев против Российской Федерации», § 47, и др.).

Постановлением Красноглинского районного суда г. Самары от 27 июня 2015 г. отказано в заключении под стражу Б., подозреваемой в совершении преступления средней тяжести, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ. Несмотря на то что Б. не работает, в г. Самаре не зарегистрирована и не имеет постоянного места жительства, суд не согласился с доводами дознавателя о том, что эти обстоятельства наряду с тяжестью преступления, в совершении которого подозревается Б., дают основание полагать, что она скроется от дознания. В обоснование принятого решения суд сослался на то, что Б. имеет постоянное место жительства в Оренбургской области, семью и несовершеннолетних детей, которые находятся на ее иждивении, ранее к уголовной ответственности не привлекалась. Сама Б. не отрицала того факта, что без разрешения потерпевшего пользовалась его машиной.

В то же время и при разрешении ходатайств по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суды учитывали, что сама по себе суровость наказания, с целью избежать которого лицо может скрыться от следствия и

суда, не должна являться обстоятельством, исключающим избрание иной, более мягкой, меры пресечения.

Постановлением Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 28 января 2015 г. отказано в заключении под стражу М., обвиняемого в совершении тяжкого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Суд не согласился с доводами следователя о том, что совершение М. преступления в другом регионе, не по месту его постоянного жительства, и наркозависимость обвиняемого наряду с тяжестью деяния дают основание полагать, что М. скроется от предварительного следствия. В обоснование принятого решения суд сослался на то, что ранее М. к уголовной и административной ответственности не привлекался, преступление до конца не довел, так как наркотическое средство у него было изъято, он имеет постоянное место жительства в г. Зеленодольске Республики Татарстан, граничащей с Республикой Марий Эл, где проводится предварительное расследование по уголовному делу. На протяжении трех лет состоит в фактических семейных отношениях с К., воспитывает ее малолетнюю дочь. В г. Зеленодольске также проживают его мать и малолетняя сестра. Других родственников и места жительства на территории Российской Федерации не имеет, как не имеет и заграничного паспорта. Полностью признал свою вину, при допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого не отрицал содеянного, на учете в наркологическом диспансере не состоит.

По ряду дел суды при отсутствии оснований, установленных ч. 1 ст. 97 УПК РФ, правильно отказывали в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу, но при этом необоснованно избирали в отношении подозреваемого, обвиняемого другую меру пресечения.

В некоторых случаях решение об избрании иной меры пресечения суды мотивировали наличием предусмотренных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ оснований, которые не были указаны в ходатайстве и не являлись предметом судебного разбирательства. Суды апелляционной инстанции отменяли такие постановления и выносили новое решение по существу заявленного ходатайства, поскольку суд первой инстанции допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона, выйдя за пределы судебного разбирательства.

Апелляционным постановлением Хабаровского краевого суда от 23 ноября 2015 г. отменено постановление Индустриального районного суда г. Хабаровска от 13 ноября 2015 г. об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. "а" ч. 3 ст. 158 УК РФ, и избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Принимая новое решение об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении В. под стражу, апелляционная инстанция отметила, что суд первой инстанции вышел за пределы своих полномочий и предмета судебного рассмотрения, указав, что В., находясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью и оказать давление на свидетелей, поскольку в ходатайстве следователя таких оснований не содержалось.

1.4. В соответствии со ст. 99 УПК РФ тяжесть преступления, а также сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства следует учитывать не только при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения, но и при определении ее вида.

Руководствуясь данной нормой закона, предписывающей дифференцированно подходить к избранию меры пресечения, суды отказывают в удовлетворении ходатайств о заключении под стражу и избирают другие меры пресечения в отношении подозреваемого,

обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, а в ряде случаев — и более тяжкого преступления, в частности, когда лицо имеет постоянное место жительства и устойчивые социальные связи, у него отсутствуют судимости. Преимущественно такие решения принимались по делам о преступлениях ненасильственного характера.

Постановлением Красногвардейского районного суда Ставропольского края от 26 июня 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Р., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, и избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с учетом того, что Р. имеет гражданство Российской Федерации, постоянное место жительства и работы, ранее не судим, является вдовцом, имеет на иждивении малолетнего ребенка, по месту работы и жительства характеризуется положительно, в период проведения предварительного следствия не предпринимал попыток скрыться от органов предварительного расследования, нуждается в проведении реабилитации после перенесенного в декабре 2014 г. тяжелого заболевания.

Вместе с тем в отдельных случаях районные суды, избирая самую строгую меру пресечения, не принимали во внимание данные о личности подозреваемого или обвиняемого.

Например, постановлением от 21 июля 2015 г. Зианчуринского районного суда Республики Башкортостан избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении Я., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного пп. "а", "в" ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Верховный Суд Республики Башкортостан апелляционным постановлением от 4 августа 2015 г. отменил постановление суда и отказал в удовлетворении ходатайства следователя, сославшись на то, что органами предварительного следствия и судом оставлены без внимания данные о личности подозреваемого. Я. ранее не судим, имеет постоянное место жительства и работы, положительно характеризуется, у него на иждивении двое малолетних детей, вину признал полностью, дал подробные показания об обстоятельствах кражи, в содеянном раскаивается. К материалам дела приобщена расписка потерпевшей К. о том, что причиненный ей ущерб возмещен и претензий она не имеет, обратилась с заявлением о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и просит не привлекать Я. и других подозреваемых к уголовной ответственности.

1.5. Изучение судебной практики рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу показало, что в ряде случаев такие ходатайства заявлялись необоснованно, в том числе при наличии обстоятельств, исключающих применение меры пресечения в виде заключения под стражу, в связи с чем суды отказывали в их удовлетворении.

В частности, суды отказывали в удовлетворении ходатайств, заявленных в нарушение требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу не применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Комсомольский районный суд г. Тольятти Самарской области 26 февраля 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, на том основании, что за указанное преступление наказание в виде лишения свободы не предусмотрено, а в совершении других преступлений К. не подозревается.

Суды оставляли без удовлетворения ходатайства в отношении подозреваемых или обвиняемых в совер-

шении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, в тех случаях, когда они были заявлены в нарушение требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ о том, что заключение под стражу таких подозреваемых или обвиняемых допускается только в исключительных случаях при наличии одного из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Как правило, такие ходатайства органами расследования заявлялись в отношении лиц, имеющих судимость за ранее совершенное преступление. С учетом этого в ходатайстве указывалось, что подозреваемый или обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью либо скрыться от дознания или предварительного следствия (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Между тем для заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести наряду с основаниями, предусмотренными ст. 97 УПК РФ, требуется наличие хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ (п. 4 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41).

Так, 8 февраля 2016 г. Череповецкий городской суд Вологодской области отказал в заключении под стражу Н., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ. Ходатайство дознавателя было обосновано тем, что Н. судим за тяжкие преступления, подозревается в совершении преступления небольшой тяжести в период условного осуждения, поэтому имеются основания полагать, что, оставаясь на свободе, Н. может продолжить заниматься преступной деятельностью, скрыться от органов дознания. При отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя суд указал, что Н. зарегистрирован в г. Череповце, имеет постоянное место жительства, его личность установлена, мера пресечения подозреваемым не нарушалась, от органов предварительного расследования он не скрывался, и, таким образом, не имеется ни одного из обстоятельств, которое в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ служило бы основанием для заключения Н. под стражу.

При рассмотрении ходатайств судами учитывались разъяснения, содержащиеся в п. 4 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41, о том, что отсутствие у лица регистрации на территории Российской Федерации само по себе не является предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу.

Например, постановлением Белозерского районного суда Вологодской области от 13 января 2016 г. отказано в заключении под стражу П., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, со ссылкой на отсутствие обстоятельств, предусмотренных пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Ходатайство было мотивировано тем, что П. не имеет постоянного источника дохода и места жительства, регистрации, находясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью. В судебном заседании было установлено, что П. хотя и не имеет регистрации, однако имеет постоянное место жительства в г. Белозерске.

В некоторых случаях ходатайства о заключении под стражу обосновывались органами предварительного расследования тем, что лицо не имеет постоянного места жительства на территории конкретного муниципального образования или субъекта Российской Федерации, где было совершено преступление. Между тем п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ допускает применение данной меры пресечения при отсутствии постоянного

места жительства в пределах всей территории Российской Федерации.

Подобные ошибки допускали и сами суды, в связи с чем такие постановления отменялись в апелляционном порядке.

Так, апелляционным постановлением Амурского областного суда от 18 июня 2015 г. отменено постановление Свободненского городского суда от 8 июня 2015 г. о заключении под стражу К., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, и в удовлетворении ходатайства следователя отказано, так как ни одно из обстоятельств, которыми обосновано постановление, не предусмотрено пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Постановление судьи первой инстанции было мотивировано, в частности, тем, что подозреваемый К. не имеет постоянного места жительства и регистрации на территории Амурской области, является жителем г. Омска, может скрыться от предварительного следствия.

При возбуждении ходатайств органами предварительного расследования и рассмотрении их в суде не всегда учитывались предусмотренные ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 и в п. 7 постановления от 15 ноября 2016 г. № 48 “О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности” разъяснил, что ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 171—174, 174¹, 176—178, 180—183, 185—185⁴, 190—199² УК РФ, без каких-либо других условий, а в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 159—159³, 159⁵, 159⁶, 160 и 165 УК РФ, — при условии, что эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности.

В связи с этим внимание судов обращено на их обязанность при квалификации преступления по чч. 1—4 ст. 159, ст.ст. 159¹—159³, 159⁵, 159⁶, 160 и 165 УК РФ во всех случаях выяснить, совершены ли эти преступления в сфере предпринимательской деятельности.

В ряде случаев указанные разъяснения Пленума судами не учитывались, равно как и органы предварительного расследования при заявлении ходатайства в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении указанных преступлений о заключении их под стражу не обосновывали вывод о том, что эти преступления не относятся к сфере предпринимательской деятельности.

В ходе изучения судебной практики были выявлены также случаи, когда указанный вопрос не выяснялся судом при наличии доводов, приведенных стороной защиты о том, что преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности. По отдельным делам это влекло не только необоснованное заключение под стражу лица, в отношении которого не может быть применена такая мера пресечения, но и продление срока содержания его под стражей.

При рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономической деятельности (ст.ст. 171—174, 174¹, 176—178, 180—183, 185—185⁴,

190—199² УК РФ), суды, как правило, выясняли вопрос о наличии обстоятельств, указанных в пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Установив отсутствие таких обстоятельств, суды отказывали в удовлетворении необоснованно заявленных ходатайств. Однако в некоторых случаях эти требования закона не соблюдались.

Апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 16 декабря 2015 г. отменено постановление Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25 ноября 2015 г. о заключении под стражу П., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного п. “а” ч. 3 ст. 171² УК РФ, на том основании, что указанное преступление входит в перечень преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, заключение под стражу за которые допускается только при наличии обстоятельств, указанных в пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, но ни одного из таких обстоятельств в отношении П. установлено не было. П. имеет постоянное место жительства на территории Российской Федерации, ее личность установлена; сведений о том, что она скрывалась от органов предварительного расследования или нарушила ранее избранную меру пресечения, не имеется.

При рассмотрении ходатайств о заключении под стражу подозреваемых или обвиняемых лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, суды учитывали разъяснения, содержащиеся в п. 10 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41, согласно которым по смыслу ч. 6 ст. 88 УК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые. В связи с этим суды обоснованно отказывали в удовлетворении ходатайств, заявленных в отношении таких несовершеннолетних.

Октябрьский районный суд г. Саратова 20 января 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу А., не достигшего 16 лет, подозреваемого в совершении впервые преступления, предусмотренного п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ. Ходатайство было мотивировано тем, что, находясь на свободе, А. может скрыться от следствия и суда, воздействовать на свидетелей, изобличающих его в преступлении, оказать на них психологическое или физическое воздействие с целью изменения ими показаний либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В соответствии со ст. 99 УПК РФ к числу обстоятельств, которые суд должен учитывать при избрании меры пресечения, относится состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого. В связи с этим суды должны выяснять, не имеется ли у подозреваемого, обвиняемого какого-либо тяжелого заболевания, в том числе в случаях, когда в представленных суду материалах такие данные отсутствуют.

Вместе с тем в ходе изучения судебной практики были выявлены случаи, когда судом принималось решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, страдающего заболеванием, входящим в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденный постановлением Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3.

Например, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Коми от 13 ноября 2015 г. отменено постановление Сосногорского городского суда от 14 октября 2015 г. о заключении под стражу К., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. “б” ч. 4 ст. 158 УК РФ, и в отношении его избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Судом установлено, что К. имеет ряд хронических заболеваний, является инвалидом III группы, состоит на диспансерном медицинском учете в том числе в связи с заболеванием, которое

согласно Перечню тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденному постановлением Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3, относится к заболеваниям, препятствующим содержанию под стражей.

1.6. Нередко работу судов осложняет низкое качество подготовки органами расследования постановлений о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также прилагаемых к ним материалов. В частности, распространено заявление ходатайств при наличии обстоятельств, исключающих применение этой меры пресечения: представление неполных либо недостоверных сведений о личности подозреваемого, обвиняемого; неуказание на какие-либо сведения, подтверждающие, что лицо скрывалось от органов предварительного расследования, могло совершить действия, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ; неуказание срока, на который избирается мера пресечения, что в ряде случаев затрудняло принятие судом законного и обоснованного решения. Неодиначны случаи нарушения органами предварительного расследования установленного в ч. 3 ст. 108 УПК РФ срока представления в суд ходатайства о заключении под стражу в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, предусмотренном ст.ст. 91 и 92 УПК РФ (не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания).

В связи с перечисленными фактами в 2015 году судами вынесено около 500 частных постановлений (определений).

За 6 месяцев 2016 года судами вынесено 340 частных постановлений (определений), из которых 261 — в адрес дознавателей, следователей и руководителей соответствующих подразделений и органов расследования. При этом каждое второе частное постановление было связано с нарушением органами предварительного расследования установленного в ч. 3 ст. 108 УПК РФ срока представления в суд ходатайства о заключении под стражу в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, предусмотренном ст.ст. 91 и 92 УПК РФ.

2. Продление срока содержания под стражей

2.1. Рассматривая ходатайство о продлении срока содержания под стражей, суды проверяли наличие обстоятельств, исключающих применение меры пресечения в виде заключения под стражу или продление срока ее действия. При наличии таких обстоятельств суды обоснованно отказывали в удовлетворении ходатайства.

Например, Центральный районный суд г. Волгограда 7 сентября 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении до 3 месяцев срока содержания под стражей В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и изменил в отношении его меру пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест.

В обоснование принятого решения суд сослался на положения ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ о недопустимости применения заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, в сфере предпринимательской деятельности при отсутствии обстоятельств, предусмотренных пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Вывод о необходимости применения положений ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ суд мотивировал отсутствием обстоятельств, указанных в пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, и тем, что преступление, в совершении которого обвиняется В., как это следует из постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, связано с осуществлением им, как руководителем ООО “У”, предпринимательской деятельности.

Вместе с тем в отдельных случаях суды ошибочно удовлетворяли ходатайства при наличии обстоятельств, исключающих заключение под стражу.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Хакасия от 24 июня 2015 г. отменено постановление Абаканского городского суда от 12 июня 2015 г. о продлении до 2 месяцев 24 дней срока содержания под стражей Ю., обвиняемого в совершении 6 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УК РФ, в удовлетворении ходатайства следователя отказано.

Принимая такое решение, суд апелляционной инстанции руководствовался положениями ч. 1 ст. 108 УПК РФ о недопустимости применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1—4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, которых по данному делу не имеется (на момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу Ю. инкриминировалось также тяжкое преступление, предусмотренное п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ).

По другому делу апелляционным постановлением от 14 августа 2015 г. Краснодарский краевой суд отменил постановление Красноармейского районного суда от 31 июля 2015 г. о продлении на 1 месяц (а всего до 7 месяцев) срока содержания под стражей в отношении А., обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, и преступлений средней тяжести, предусмотренных пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 158, п. “в” ч. 2 ст. 159 УК РФ, изменив заключение под стражу на залог в размере 200 тыс. рублей, в связи с нарушением требований ч. 1 ст. 109 УПК РФ, допускающей продление срока содержания под стражей на срок, превышающий 6 месяцев, только в отношении обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

2.2. Изучение судебной практики показало, что при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суды правильно исходили из того, что обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока действия этой меры пресечения, поскольку они с течением времени могут утрачивать свое значение. На такой подход к разрешению вопроса о продлении срока содержания под стражей ориентирует суды и Пленум Верховного Суда РФ в п. 21 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41.

Следуя указанным разъяснениям, суды при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей выясняли прежде всего, сохраняется ли с течением времени вероятность совершения обвиняемым действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, послуживших основанием к заключению его под стражу, и подтверждается ли это представленными материалами.

Суды не усматривали оснований для продления срока содержания под стражей в тех случаях, когда было установлено, что обстоятельства с момента заключения лица под стражу изменились (в частности, изменилось обвинение в сторону смягчения, с обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, установлены соучастники преступления, все следственные действия по сбору доказательств произведены, возмещен причиненный преступлением ущерб).

10 декабря 2015 г. Свердловский областной суд при рассмотрении ходатайства следователя о продлении на 2 месяца (а всего до 6 месяцев) срока содержания под стражей П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. “б” ч. 4 ст. 158 УК РФ, применил к П. домашний арест, сославшись на то, что с течением времени изменились обстоятельства, в частности, за 9 месяцев предварительного следствия первоначальный этап сбора и закрепления доказательств завершен, органы расследования ожидают результатов экспертиз и

ответов на запросы, что существенно снижает риск вмешательства обвиняемого в ход уголовного судопроизводства. Кроме того, суд учел, что П. ранее не судим, характеризуется удовлетворительно, имеет регистрацию по месту жительства и прочные социальные связи: семью, ребенка-инвалида.

По другому делу постановлением Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 19 июня 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства о продлении до 12 месяцев срока содержания под стражей Я., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, пп. “а”, “г” ч. 4 ст. 228¹, ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ, и избрана мера пресечения в виде залога в размере 500 тыс. рублей на том основании, что изменились обстоятельства, послужившие основанием для избрания меры пресечения и последующих продлений срока ее действия. Я. активно способствовала раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, которые были задержаны.

Суды отказывали в удовлетворении ходатайств, в которых утверждение о том, что обвиняемый скроется от предварительного следствия, обосновывалось тяжестью обвинения и не учитывались другие обстоятельства, не приводились какие-либо данные о попытках лица скрыться от предварительного следствия. Аналогичные решения суды принимали и по тем ходатайствам, в которых указание на то, что обвиняемый может угрожать свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, являлось лишь предположением. При этом в ходатайстве не приводились сведения о том, что в ходе производства по уголовному делу обвиняемый имел такие намерения и пытался их реализовать.

Зейский районный суд Амурской области 6 октября 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении до 6 месяцев срока содержания под стражей в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ, сославшись на то, что тяжесть предъявленного обвинения, которой следователь обосновал необходимость продления срока содержания под стражей, не является безусловным и достаточным основанием для продолжения содержания под стражей обвиняемого в совершении преступления против собственности. Кроме того, суд указал, что доводы следователя о том, что С. скроется от предварительного следствия, может продолжить заниматься преступной деятельностью или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, основаны на предположениях, поскольку органами предварительного следствия не представлено каких-либо данных об этом. Суд также учел, что С. ранее к уголовной и административной ответственности не привлекался, имеет регистрацию по месту жительства в г. Зее, характеризуется удовлетворительно, признался в содеянном.

При отказе в удовлетворении ходатайств суды избирали не только меры пресечения, которые могут применяться не иначе как по судебному решению, но и подписку о невыезде и надлежащем поведении.

Так, постановлением Псковского городского суда Псковской области от 26 ноября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о продлении на 1 месяц (а всего до 7 месяцев) срока содержания под стражей Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. “г” ч. 4 ст. 228¹, ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹, ч. 2 ст. 228 УК РФ, и мера пресечения изменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении. При этом суд учел данные о личности обвиняемого, который ранее не судим, имеет постоянное место жительства, семью, несовершеннолетнего ребенка. Кроме того, суд принял во внимание неэффективность организации проводимого по делу расследования.

2.3. При разрешении вопроса о продлении срока содержания под стражей суды исходили из того, что

сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий не может выступать в качестве единственного и достаточного основания для продления срока содержания обвиняемого под стражей.

Нижегородским районным судом Иркутской области 6 июля 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о продлении до 4 месяцев срока содержания под стражей в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд, в частности, учел, что все запланированные по уголовному делу мероприятия, направленные на изобличение М., выполнены, по делу необходимо предъявить обвинение в полном объеме, выполнить требования ст.ст. 215—217 УПК РФ, составить обвинительное заключение и направить уголовное дело прокурору. Однако, принимая во внимание, что М. обвиняется в совершении преступления против собственности, относящегося к категории преступлений средней тяжести, имеет постоянное место жительства, сотрудничает с органами расследования, суд пришел к выводу, что интересы следствия могут быть обеспечены посредством применения иной, более мягкой, меры пресечения.

В п. 22 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания обвиняемых под стражей суду следует проверять обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного окончания расследования. В случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается перед судом неоднократно и по мотивам необходимости выполнения следственных действий, указанных в предыдущих ходатайствах, суду надлежит выяснять причины, по которым они не были произведены. Если причина, по мнению суда, заключается в неэффективной организации расследования, это может явиться одним из обстоятельств, влекущих отказ в удовлетворении ходатайства. В таких случаях суд вправе реагировать на выявленные нарушения путем вынесения частных постановлений.

Следуя указанным разъяснениям, суды при выявлении факта неэффективной организации расследования, в том числе когда с момента вынесения предыдущего судебного решения о продлении срока содержания лица под стражей не осуществлялось каких-либо следственных и (или) процессуальных действий, как правило, отказывали в удовлетворении ходатайств и выносили при этом частные постановления.

Например, 16 июля 2015 г. Борский городской суд Нижегородской области отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении на 1 месяц (а всего до 5 месяцев 24 суток) срока содержания под стражей К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 226 УК РФ, и избрал меру пресечения в виде домашнего ареста, сославшись, в частности, на неэффективную организацию расследования уголовного дела.

В судебном заседании было установлено, что в период с 16 июня по 16 июля 2015 г. ни одно из следственных действий, для осуществления которых ранее продлевался срок содержания под стражей К., не проведено.

В том случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей заявлялось в период выполнения требований ст. 217 УПК РФ, суды исходили из того, что “необходимость ознакомления (продолжения ознакомления) с материалами уголовного дела не может быть единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей”, что “каждое решение суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должно обосновываться не одними лишь ссылками на продолжающееся ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела, а фактическими данными, подтверждающими необходи-

мость сохранения этой меры пресечения” (п. 23 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41).

В связи с этим суды наряду с другими обстоятельствами, которые подлежат проверке при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей, проверяли эффективность организации ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела.

Так, 21 сентября 2016 г. Московский областной суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении на 3 месяца (а всего до 19 месяцев 26 суток) срока содержания под стражей в отношении Б., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 210 УК РФ, которое было мотивировано необходимостью выполнения требований ст. 217 УПК РФ.

Суд пришел к выводу о ненадлежащей организации ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, так как за 3 месяца с момента предшествующего продления срока содержания под стражей, которое производилось для этих же целей, следователь посетил обвиняемого только 2 раза. С учетом этих обстоятельств, а также ненасильственного характера инкриминируемого Б. деяния, данных о его семейном положении (наличии двух несовершеннолетних детей) суд счел возможным применить в отношении Б. меру пресечения в виде домашнего ареста.

2.4. Если в ходатайстве ставился вопрос о продлении срока содержания под стражей на срок, превышающий 6 месяцев, суды исходили из положений ч. 2 ст. 109 УПК РФ и наряду с обстоятельствами, которые подлежат проверке при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей, проверяли, указано ли в ходатайстве по делам о тяжком или особо тяжком преступлении на их особую сложность и приведено ли обоснование этого.

Постановлением Владикавказского гарнизонного военного суда от 22 мая 2015 г. удовлетворено ходатайство следователя о продлении на 1 месяц (а всего до 11 месяцев 22 суток) срока содержания под стражей в отношении Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160, ч. 3 ст. 327 и ч. 1 ст. 338 УК РФ, с учетом, в частности, доводов следователя об особой сложности уголовного дела.

В обоснование особой сложности уголовного дела следователь сослался на ряд обстоятельств, в числе которых давность событий преступлений (Г., уклонявшийся от следствия и суда, задержан спустя 13 лет после этих событий), обвинение в преступлениях, совершенных на территории иностранного государства, изменение обвиняемым своих анкетных данных (получение в период его розыска заграничного паспорта и паспорта гражданина Российской Федерации на имя другого лица), трудности, связанные с вызовом свидетелей, которые за это время неоднократно меняли место жительства, и расформированием воинской части, где Г. проходил службу, необходимость проведения многочисленных следственных действий на территории различных субъектов Российской Федерации, большой объем уголовного дела (26 томов), с которым предстоит ознакомить потерпевших и обвиняемого.

Если особая сложность уголовного дела не находила подтверждения в судебном заседании, суды отказывали в удовлетворении ходатайства.

23 ноября 2015 г. Петрозаводский городской суд Республики Карелия отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении на 2 месяца 2 суток (а всего до 8 месяцев 2 суток) срока содержания под стражей в отношении И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ, не согласившись с доводами следователя об особой сложности уголовного дела.

Суд принял во внимание объем уголовного дела, состоящего из 3 томов, а также то, что расследование

осуществляется по единственному эпизоду преступной деятельности в отношении двух лиц, задержанных 27 мая 2015 г. при совершении преступления. Кроме того, суд учел, что в тот же день И. предъявлено обвинение в преступлении, причастность к совершению которого он не отрицал.

В связи с заключением амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы в отношении И. 11 июня 2015 г. назначена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза. Однако постановление о назначении экспертизы вместе с материалами уголовного дела представлены экспертам только 20 октября 2015 г., т.е. спустя 4 месяца после ее назначения. При этом доводы следователя о том, что такое время ему потребовалось для сбора необходимых материалов для производства экспертизы, судья посчитал несостоятельными, поскольку, как следует из заключения эксперта, ему были представлены только имевшиеся в распоряжении следователя материалы уголовного дела, каких-либо дополнительных материалов представлено не было. Кроме того, суд установил, что предыдущие ходатайства о продлении срока содержания И. под стражей обосновывались необходимостью проведения одних и тех же следственных действий, часть из которых так и не была выполнена.

Исходя из изложенного, суд пришел к выводу о том, что ни правовой, ни фактической сложности расследование уголовного дела не представляет, поведение обвиняемого не препятствовало и не препятствует ходу расследования, а имеет место неэффективная организация расследования.

Вместе с тем в ходе изучения судебной практики были выявлены факты, когда суды не придавали значения отсутствию данных об особой сложности уголовного дела и принимали решение о продлении срока содержания под стражей без учета требований ч. 2 ст. 109 УПК РФ.

В ряде случаев вывод об особой сложности уголовного дела судом был сделан без достаточных к тому оснований.

26 ноября 2015 г. Железнодорожный районный суд г. Улан-Удэ Республики Бурятия удовлетворил ходатайство следователя о продлении на 1 месяц (а всего до 7 месяцев 4 суток) срока содержания под стражей И., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158, п. "з" ч. 2 ст. 161, пп. "а", "в", "г" ч. 2 ст. 161 УК РФ. Мотивируя особую сложность уголовного дела, суд, так же как и органы расследования в своем ходатайстве, сослался на то, что по делу привлекаются 3 обвиняемых по 7 составам преступлений, в том числе тяжких, объем уголовного дела составляет 3 тома.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Бурятия от 9 декабря 2015 г. постановление отменено и в удовлетворении ходатайства следователя отказано.

Признавая решение суда первой инстанции необоснованным, суд апелляционной инстанции указал на то, что сама по себе уголовно-правовая характеристика расследуемых по уголовному делу преступлений, их количество, а также количество обвиняемых не свидетельствуют об особой сложности дела, а каких-либо иных данных, указывающих на такую сложность, не представлено.

Ознакомление обвиняемых на протяжении более 1 месяца с материалами дела объемом 3 тома, указание в ходатайстве на те же основания, что были указаны в двух предыдущих ходатайствах о продлении срока содержания обвиняемого И. под стражей, свидетельствуют о неэффективной организации расследования.

2.5. При рассмотрении ходатайств суды правильно исходили из того, что конкретные обстоятельства, свидетельствующие о необходимости дальнейшего содержания обвиняемого под стражей, следует устанавливать при каждом продлении срока действия этой меры пресечения. Вместе с тем имели место случаи, когда

судьи при очередном продлении срока фактически не устанавливали такие обстоятельства, дословно повторяя содержание предыдущих постановлений.

Апелляционным постановлением Московского областного суда от 17 декабря 2015 г. отменено постановление Солнечногорского городского суда от 14 ноября 2015 г. о продлении до 9 месяцев 29 суток срока содержания под стражей в отношении А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. "а", "б" ч. 3 ст. 163, п. "а" ч. 4 ст. 158, ч. 2 ст. 325 УК РФ, так как, продлевая в очередной раз срок содержания А. под стражей, судья фактически дословно повторил содержание аналогичных постановлений от 21 мая, 24 июня и 20 августа 2015 г., указав на обвинение А. в совершении тяжкого преступления против собственности и отсутствие у него места работы, не установив при этом каких-либо конкретных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости дальнейшего содержания обвиняемого под стражей.

2.6. При поступлении в суд ходатайства о продлении срока содержания под стражей судьи проверяли, соблюден ли установленный законом процессуальный порядок его заявления и представления в суд. Если ходатайство было возбуждено при получении согласия от должностного лица, не указанного в чч. 2, 3, 7 ст. 109 УПК РФ, суды возвращали его без рассмотрения. Однако в отдельных случаях суды необоснованно удовлетворяли такие ходатайства.

Постановлением Свободненского городского суда Амурской области от 1 июля 2015 г. было удовлетворено ходатайство следователя следственного отдела межмуниципального отдела МВД России "Свободненский" о продлении на срок, равный 24 суткам (а всего до 6 месяцев 24 суток) срока содержания под стражей Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Апелляционным постановлением Амурского областного суда от 16 июля 2015 г. постановление отменено, поскольку ходатайство о продлении срока содержания под стражей на превышающий 6 месяцев срок, вопреки положениям ч. 2 ст. 109 УПК РФ, было согласовано не с руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации, а с начальником следственного отдела межмуниципального отдела МВД России "Свободненский", у которого отсутствовали соответствующие полномочия. Б. из-под стражи освобожден.

В соответствии с ч. 8¹ ст. 109, ч. 2¹ ст. 221 и ч. 2¹ ст. 226 УПК РФ после направления уголовного дела с обвинительным заключением или обвинительным актом прокурору право возбуждения ходатайства о продлении срока содержания под стражей принадлежит прокурору. Если в подобных случаях суд удовлетворял ходатайство, возбужденное следователем, то такое постановление отменялось вышестоящим судом.

5 февраля 2015 г. Свердловский областной суд отменил в апелляционном порядке постановление Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 25 декабря 2014 г. о продлении срока содержания под стражей в отношении Р. и Ш., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных пп. "а", "в" ч. 2 ст. 158, п. "а" ч. 2 ст. 158, п. "а" ч. 4 ст. 158 УК РФ. Суд первой инстанции, удовлетворив ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей, мотивированное необходимостью направления уголовного дела в суд, не учел, что предварительное расследование окончено и уголовное дело уже направлено прокурору.

В отдельных случаях суды принимали решение о продлении срока содержания под стражей без учета особенностей, установленных главой 52 УПК РФ в отношении отдельных категорий лиц.

Апелляционным постановлением от 16 июля 2015 г. отменено постановление Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 23 июня 2015 г. о продлении срока содержания под стражей К., являвшегося дей-

ствующим депутатом Совета депутатов Н сельсовета Алтайского края, и К. из-под стражи освобожден, поскольку ходатайство было возбуждено органом расследования, к компетенции которого это не отнесено законом. В соответствии с ч. 1 ст. 447, п. 11 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении указанных лиц либо о привлечении такого лица в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается руководителем следственного органа СК России по субъекту Российской Федерации. Вопреки этим требованиям закона обвинение К. было предъявлено следователем СУ УМВД России по г. Барнаулу, по ходатайству которого судом продлена ранее избранная мера пресечения в виде заключения под стражу.

2.7. При рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суды в случае выявления обстоятельств, влекущих необоснованно длительное содержание обвиняемых под стражей либо затрудняющих принятие судом законного и обоснованного решения по заявленному органами расследования ходатайству, выносили частные постановления. На право судов реагировать в такой форме, в том числе на случаи неэффективной организации расследования уголовных дел, а также ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ в пп. 22 и 23 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41.

В связи с фактами нарушения органами предварительного следствия требований закона, предъявляемых к сроку представления ходатайств о продлении срока содержания под стражей в суд (ч. 8 ст. 108 УПК РФ), неэффективной организацией расследования уголовных дел, выразившейся в том числе в непроведении в период ранее продленного срока содержания обвиняемого под стражей каких-либо следственных или процессуальных действий или неэффективной организации процесса ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, а также иными нарушениями закона судами в 2015 году вынесено около 1200 частных постановлений.

За 6 месяцев 2016 года судами первой, апелляционной и кассационной инстанций вынесено около 2000 частных постановлений. Из них более 1700 — в адрес дознавателей, следователей и руководителей соответствующих подразделений и органов. При этом около 1100 частных постановлений, вынесенных в адрес указанных лиц, были связаны с нарушением органами предварительного следствия установленного в ч. 8 ст. 109 УПК РФ срока представления в суд ходатайства о продлении срока содержания под стражей. В каждом третьем частном постановлении обращено внимание на неэффективную организацию расследования. Более 100 частных постановлений вынесено в адрес прокуроров, около 100 частных постановлений — в адрес судей.

3. Сроки содержания под стражей и порядок их исчисления

3.1. Как показало изучение практики, суды правильно полагают, что срок содержания под стражей при досудебном производстве по уголовному делу, в том числе при выполнении требований ст. 217 УПК РФ, может быть установлен и продлен только в пределах срока предварительного расследования. Единственным исключением из этого правила является случай, когда предварительное следствие по делу окончено и уголовное дело направлено прокурору с обвинительным заключением (ч. 8¹ ст. 109 УПК РФ). В связи с этим при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суды обращали внимание на

постановления о продлении срока предварительного расследования.

В тех случаях, когда органы предварительного расследования ходатайствовали о продлении срока содержания под стражей на период, который полностью выходил за пределы срока предварительного расследования, суды отказывали в удовлетворении ходатайства. Если в ходатайстве указывался срок, выходящий за пределы срока предварительного расследования лишь в части, то суды удовлетворяли ходатайство, продлевая срок содержания лица под стражей в пределах срока предварительного расследования.

Московский областной суд при рассмотрении 23 июня 2016 г. ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении П. до 27 июля 2016 г. продлил этот срок лишь до 9 июля 2016 г. с учетом того, что к указанной дате истекает срок предварительного следствия по уголовному делу.

3.2. При рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суды обоснованно исходили из того, что согласование ходатайства с должностным лицом, как того требуют положения чч. 2, 3, 7 ст. 109 УПК РФ, обязывает суд проверять, не превышает ли срок, заявленный в ходатайстве, тот срок, на который соответствующее должностное лицо компетентно давать согласие.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Коми от 28 августа 2015 г. изменено постановление Эжвинского районного суда г. Сыктывкара от 13 августа 2015 г. о продлении на 2 месяца (а всего до 7 месяцев) срока содержания под стражей в отношении Т., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 132, п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Постановлено продлить срок содержания Т. под стражей на 1 месяц (а всего до 6 месяцев), так как ходатайство следователя согласовано с заместителем руководителя следственного отдела по г. Сыктывкару следственного управления СК России по Республике Коми, который вправе давать согласие на продление срока содержания под стражей только до 6 месяцев. В нарушение положения ч. 2 ст. 109 УПК РФ ходатайство о продлении срока содержания под стражей до 7 месяцев не согласовано с руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации.

3.3. По смыслу ст. 109 УПК РФ сроки содержания под стражей исчисляются сутками и месяцами. Исходя из положений чч. 9 и 10 указанной статьи течение срока содержания под стражей начинается в день заключения лица под стражу на основании судебного решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения (час заключения лица под стражу в качестве меры пресечения во внимание не принимается). Истекает срок в 24 часа последних суток срока независимо от того, приходится ли его окончание на рабочий или нерабочий день (п. 19 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41). Для правильного установления даты окончания срока содержания под стражей необходимо учитывать положения ч. 10 ст. 109 УПК РФ (п. 20 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41). Если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, срок в соответствии с ч. 3 ст. 128 УПК РФ исчисляется с момента фактического задержания.

Определяя конечную дату срока содержания под стражей, суды правильно полагали, что если лицо было задержано, например, 3 мая, то окончание месячного срока приходится на 2 июня, а допускаясь судами ошибки в определении конечной даты срока исправлялись судами апелляционной инстанции.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 20 ноября 2015 г. удовле-

творено апелляционное представление прокурора, в котором указывалось на неправильное определение судом конечной даты (31 декабря 2015 г.) срока содержания под стражей Д.

В порядке ст. 91 УПК РФ подозреваемый был задержан 31 октября 2015 г. в 19 час. 20 мин. Изменив постановление Верхневильского районного суда от 2 ноября 2015 г., суд апелляционной инстанции постановил считать конечной датой двухмесячного срока содержания Д. под стражей 30 декабря 2015 г.

В целях повышения качества и недопущения ошибок при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования об избрании в отношении по-

дозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, а также продления срока содержания под стражей обвиняемого рекомендовать председателям верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономных округов и автономной области, окружных (флотских) военных судов ознакомить судей с настоящим Обзором и учитывать его положения в правоприменительной деятельности.

(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
18 января 2017 г.)

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ РАЗДЕЛА V¹ И СТАТЬИ 269 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Верховным Судом РФ проведено изучение материалов судебной практики и поступивших от судов вопросов, связанных с применением положений Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ, Кодекс), устанавливающих правила налогового контроля за сделками, которые могут совершаться на нерыночных условиях взаимозависимыми лицами, корректировки налоговых баз по таким сделкам.

Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 227-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения” начиная с 1 января 2012 г. часть первая НК РФ дополнена разделом V¹ “Взаимозависимые лица. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании”. По этой причине к налоговому периоду после 1 января 2012 г. не применяются положения ст.ст. 20 и 40 Кодекса, ранее закреплявшие основания для признания лиц взаимозависимыми и устанавливавшие принципы определения цены товаров, работ или услуг для целей налогообложения.

Положение указанного раздела Кодекса направлены на предотвращение вывода налоговой базы за пределы Российской Федерации, обеспечение справедливого и экономически обоснованного распределения налоговой базы между субъектами Российской Федерации. В связи с этим ст. 105³ Кодекса вводит правило, согласно которому в установленных разделом V¹ НК РФ случаях для целей налогообложения должны учитываться доходы (прибыль, выручка), которые не были получены налогоплательщиком вследствие его взаимозависимости с другим участником сделки.

В тех случаях, когда контролируемые в соответствии с разделом V¹ НК РФ сделки совершаются между российскими налогоплательщиками и налоговыми резидентами иностранных государств (трансграничные операции), следует учитывать, что отдельные нормы о корректировке налоговых баз по таким операциям также могут быть предусмотрены международными соглашениями об избежании двойного налогообложения, заключенными Российской Федерацией.

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, связанных с применением положений раздела V¹, пп. 2—4 ст. 269 НК РФ, Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

1. Налоговый контроль за соответствием примененных налогоплательщиком цен рыночному уровню осуществляется непосредственно Федеральной налоговой службой России согласно разделу V¹ НК РФ и по общему правилу не может выступать предметом выездных и камеральных проверок, проводимых нижестоящими налоговыми инспекциями.

Налоговая инспекция по результатам проведенной в отношении хозяйственного общества выездной налоговой проверки оспорила примененные налогоплательщиком цены по договорам поставки газа, заключенным с покупателями — взаимозависимыми лицами, посчитав, что цены необоснованно занижены относительно рыночного уровня и это повлекло уплату налогов не в полном объеме.

Не согласившись с выводами налоговой инспекции, общество оспорило принятое по результатам налоговой проверки решение в арбитражном суде.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные налогоплательщиком требования и признал решение инспекции недействительным в силу того, что заниженные цены реализации газа относительно рыночного уровня налоговым органом не доказано.

Суд апелляционной инстанции пришел к противоположному выводу и в удовлетворении требований общества отказал, с чем также согласился суд округа.

Обосновывая при этом допустимость корректировки налоговой базы налоговой инспекцией, суд апелляционной инстанции и суд округа отметили, что у инспекции имелось право при осуществлении контроля за полнотой исчисления налогов проверять правильность применения цен по тем операциям, которые не признаются контролируемыми сделками.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и суда округа, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с положениями раздела V¹ НК РФ на Федеральную налоговую службу России (далее — ФНС России) возложено бремя доказывания того, что примененная сторонами цена сделки не является рыночной. В этих целях именно данный орган наделен компетенцией по проведению налогового контроля в форме проверки полноты исчисления и уплаты налога в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами (п. 6 ст. 105³ и п. 1 ст. 105¹⁷ Кодекса).

Установив специальные процедуры проведения данного вида контроля (сроки, ограничения по количеству проверок, возможность заключения соглашения о ценообразовании, право на симметричную корректировку), НК РФ исключил из числа сделок между

взаимозависимыми лицами, подлежащих контролю в порядке, предусмотренном разделом V¹ Кодекса, сделки, не соответствующие критерию контролируемых сделок, в том числе сделки, по которым объем доходов не превышает установленные ст. 105¹⁴ НК РФ суммовые критерии.

При этом в силу прямого запрета, установленного в абз. 3 п. 1 ст. 105¹⁷ Кодекса, контроль соответствия цен, примененных в контролируемых сделках, не может быть предметом выездных и камеральных проверок.

Следовательно, при проведении выездной налоговой проверки налоговая инспекция вышла за пределы предоставленных ей полномочий, произведя на основании положений главы 14³ НК РФ корректировку цен по сделкам общества с взаимозависимыми лицами.

2. Если использование рыночных цен при исчислении налогов по отдельным операциям налогоплательщика предусмотрено главами части второй НК РФ, в этих целях налоговые инспекции вправе применять методы определения доходов (выручки, прибыли), предусмотренные главой 14³ Кодекса.

В практике судов возник вопрос о праве налоговых инспекций на использование методов определения доходов (прибыли, выручки), установленных разделом V¹ НК РФ, в тех случаях, когда главами части второй Кодекса предусмотрено использование рыночных цен для исчисления налогов по отдельным операциям.

Так, возможность использования рыночных цен, определенных с учетом ст. 105³ Кодекса, в качестве основы для определения налоговой базы предусмотрена главой 21 НК РФ “Налог на добавленную стоимость” — в целях исчисления этого налога при совершении товарообменных операций, реализации товаров (работ, услуг) на безвозмездной основе, передаче права собственности на предмет залога залогодержателю, оплате труда в натуральной форме (п. 2 ст. 154 Кодекса), главой 25 НК РФ “Налог на прибыль организаций” — в целях исчисления этого налога при безвозмездном получении имущества, работ или услуг, при получении налогоплательщиком доходов в натуральной форме (п. 8 ст. 250 и пп. 4–6 ст. 274 Кодекса).

Содержащаяся в данных нормах отсылка к ст. 105³ НК РФ восполняет отсутствие в части второй Кодекса методов, позволяющих определить налоговую базу, что не связано с предусмотренным главой 14⁵ Кодекса налоговым контролем в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами.

Поскольку правильность применения положений части второй Кодекса при исчислении налогов является предметом камеральных и выездных проверок, то в указанных случаях налоговые инспекции вправе использовать методы определения доходов, предусмотренные главой 14³ НК РФ для целей определения рыночной цены товаров (работ, услуг).

3. По общему правилу в случаях, не предусмотренных разделом V¹ НК РФ, налоговые органы не вправе оспаривать цену товаров (работ, услуг), указанную сторонами сделки и учтенную при налогообложении. Несоответствие примененной налогоплательщиком цены рыночному уровню не свидетельствует о получении необоснованной налоговой выгоды.

Однако многократное отклонение цены сделки от рыночного уровня может учитываться в качестве одного из признаков получения необоснованной налоговой выгоды в совокупности и взаимосвязи с иными обстоятельствами, указывающими на несоответствие между оформлением сделки и содержанием финансово-хозяйственной операции.

Хозяйственное общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения налогового органа, которым ему доначисле-

ны налоги на прибыль и на добавленную стоимость в связи с реализацией объектов недвижимости по ценам, заниженным относительно рыночного уровня.

Возражая на заявление общества, налоговая инспекция указала, что реализация имущества на нерыночных условиях имела своей целью получение необоснованной налоговой выгоды.

Рассмотрев дело, суд первой инстанции заявленные обществом требования удовлетворил, установив, что покупателями объектов недвижимости по спорным сделкам являлись лица, которые не находились в отношениях взаимозависимости с налогоплательщиком, действовали самостоятельно и преследовали свой коммерческий интерес, а налоговым органом не доказаны сделанные в ходе налоговой проверки выводы о совершении спорных операций без деловой цели.

Судом апелляционной инстанции решение оставлено без изменения.

Суд округа отменил состоявшиеся по делу судебные акты и направил дело на новое рассмотрение, посчитав, что установленные судами обстоятельства не опровергают доводы налогового органа о получении обществом необоснованной налоговой выгоды, поскольку в ходе судебного разбирательства соответствие цены реализации объектов недвижимости рыночному уровню проверено не было.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ признала такие выводы суда округа ошибочными, указав при этом следующее.

По общему правилу налоговые последствия совершенных налогоплательщиком операций определяются из условий совершенных им сделок, а исчисление налогов из рыночных цен вместо цен, согласованных сторонами сделки, допускается только в случаях, установленных законом (ст. 40 НК РФ — до 1 января 2012 г., раздел V¹ НК РФ — после 1 января 2012 г.).

Отличие примененной налогоплательщиком цены от уровня цен, обычно применяемого по идентичным (однородным) товарам, работам или услугам другими участниками гражданского оборота, не может служить самостоятельным основанием для вывода о получении налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды, возникновении у него недоимки, определяемой исходя из выявленной ценовой разницы, поскольку судебный контроль не призван проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых субъектами предпринимательской деятельности.

Если налоговым органом оспаривается соответствие отраженной в налоговом учете операции ее действительному экономическому смыслу, то многократное отклонение цены сделки от рыночного уровня может учитываться в качестве одного из признаков получения необоснованной налоговой выгоды в совокупности и взаимосвязи с иными обстоятельствами, порочащими деловую цель сделки (взаимозависимость сторон сделки, создание организации незадолго до совершения хозяйственной операции, использование особых форм расчетов и сроков платежей и т.п.).

Наличие такой совокупности обстоятельств налоговым органом доказано не было, а одно лишь отличие примененной налогоплательщиком цены от рыночного уровня не позволяет утверждать о направленности его действий на уклонение от налогообложения, в связи с чем выводы судов первой и апелляционной инстанции являются правильными.

В другом деле Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ согласилась с обоснованностью доначисления налога на прибыль и налога на добавленную стоимость исходя из рыночной цены реализованного имущества (объекта недвижимости), обратив внимание на следующее.

Покупателями имущества выступили организации, которые были созданы незадолго до заключения договоров купли-продажи и выступали взаимозависимыми лицами по отношению к налогоплательщику в силу совпадения участников и руководителей организаций, что согласно п. 1 ст. 105¹ НК РФ означает способность этих лиц оказывать влияние на условия и (или) результаты совершаемых между ними сделок и (или) экономические результаты деятельности друг друга.

При этом указанная в договорах цена продажи объектов недвижимости была многократно (в десятки раз) занижена относительно рыночного уровня, что ставит под сомнение возможность отчуждения дорогостоящего имущества на таких ценовых условиях и в отсутствие разумных экономических причин к установлению цены в заниженном размере позволяет сделать вывод, что поведение налогоплательщика и взаимозависимого с ним лица при определении условий сделок было продиктовано целью получения налоговой экономии.

Следовательно, у налогового органа имелись основания для определения прав и обязанностей общества исходя из уровня дохода, который был бы получен налогоплательщиком в случае реализации недвижимости на обычных (рыночных) условиях.

4. Суд вправе признать лица взаимозависимыми для целей налогообложения в случаях, не указанных в п. 2 ст. 105¹ НК РФ, если у контрагента налогоплательщика (взаимозависимых лиц контрагента) имелась возможность оказывать влияние на принимаемые налогоплательщиком решения в сфере его финансово-хозяйственной деятельности.

В судебной практике возник вопрос об обстоятельствах, которые должны учитываться при использовании судом предоставленного ему законом права на признание лиц взаимозависимыми для целей налогообложения.

Как установлено п. 1 ст. 105¹ НК РФ, взаимозависимыми признаются лица, особенности взаимоотношений между которыми могут оказывать влияние на условия и (или) результаты сделок, совершаемых между ними, и (или) экономические результаты деятельности этих (представляемых ими) лиц.

Лица признаются взаимозависимыми в случаях, прямо предусмотренных п. 2 ст. 105¹ Кодекса, в частности по основаниям, связанным с участием в капитале, осуществлением функций управления, служебной подчиненностью.

Помимо указанных формально-юридических признаков взаимозависимости п. 7 ст. 105¹ НК РФ суду предоставлено право признать лица взаимозависимыми по иным основаниям — если отношения между этими лицами содержательно (фактически) обладают признаками, указанными в п. 1 ст. 105¹ Кодекса, т.е. имеется иная возможность другого лица определять решения, принимаемые налогоплательщиком.

Разрешая вопрос о применении данной нормы, необходимо учитывать, что признание участников сделки взаимозависимыми в силу п. 1 ст. 105³, п. 1 ст. 105¹⁴ Кодекса имеет своей основной целью определение круга таких операций налогоплательщика, в отношении которых существует риск их совершения на коммерческих или финансовых влияющих на цену условиях, отличных от тех, которые бы имели место в отношениях между независимыми друг от друга контрагентами, действующими самостоятельно и на строго предпринимательских началах, т.е. в своих собственных экономических интересах.

Поэтому на налоговом органе лежит бремя доказывания обстоятельств, подтверждающих, что при отсутствии предусмотренных п. 2 данной статьи признаков контрагент налогоплательщика (взаимозависимые с ним лица) тем не менее имел возможность влиять на

определение условий совершаемых налогоплательщиком сделок, а налогоплательщик действовал в общих экономических интересах группы, к которой он принадлежит (к выгоде третьих лиц), был связан в полноте свободы принятия решений в сфере своей финансово-хозяйственной деятельности, что должно было сказаться на условиях и результатах исполнения соответствующих сделок.

Учитывая при этом содержание п. 2 ст. 105¹ Кодекса и расширенный по сравнению со ст. 20 НК РФ состав указанных в данной норме признаков взаимозависимости, возможность признания лиц взаимозависимыми на основании п. 7 ст. 105¹ Кодекса не ограничена случаями, когда в соответствии с законодательством участники сделки признавались бы аффилированными лицами, дочерними и зависимыми организациями и т.п.

В то же время влияние, оказываемое по экономическим причинам, например в силу преимущественного положения на рынке одного из участников сделки, не должно приниматься во внимание при решении вопроса о признании лиц взаимозависимыми (п. 4 ст. 105¹ НК РФ).

Установление факта взаимозависимости лиц по обстоятельствам иным, чем перечислены в п. 2 ст. 105¹ Кодекса, осуществляется судом с участием налогового органа и налогоплательщика в ходе рассмотрения дела, касающегося обоснованности вынесения решения о доначислении налога, либо при разрешении требований налогового органа о взыскании доначисленной задолженности (подп. 4 п. 2 ст. 45 НК РФ).

5. Взаимозависимость участников сделки может являться основанием для корректировки их доходов (прибыли, выручки) по правилам раздела V¹ НК РФ, если в отношении этой сделки соблюдается вся совокупность условий, при наличии которых она признается контролируемой.

Хозяйственное общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения налогового органа, которым оно привлечено к предусмотренной ст. 129⁴ НК РФ ответственности за непредставление уведомления о контролируемых сделках.

Как установила инспекция, общество приобретало товары у контрагентов, не являющихся взаимозависимыми с ним лицами. Однако поставщиком товаров для указанных контрагентов выступала российская организация — взаимозависимое по отношению к налогоплательщику лицо. Применив подп. 1 п. 1 ст. 105¹⁴ НК РФ, налоговый орган пришел к выводу, что эта совокупность сделок является контролируемой, в связи с чем общество было обязано представить предусмотренное ст. 105¹⁶ Кодекса уведомление.

Решением суда, с выводами которого согласились суд апелляционной инстанции и суд округа, привлечение общества к налоговой ответственности признано незаконным в силу следующего.

В соответствии с п. 1 ст. 105³ и п. 1 ст. 105¹⁴ НК РФ по общему правилу контролируемые признаются сделки между взаимозависимыми лицами.

На основании подп. 1 п. 1 ст. 105¹⁴ Кодекса к сделкам, совершенным между взаимозависимыми лицами, может быть приравнена совокупность сделок по реализации товаров (работ, услуг), совершаемых с участием (при посредничестве) лиц, не являющихся взаимозависимыми, если такие лица в этой совокупности сделок выполняют только функцию по организации реализации товаров (работ, услуг).

Поскольку указанная в подп. 1 п. 1 ст. 105¹⁴ НК РФ совокупность сделок приравнивается к сделкам, совершенным между соответствующими взаимозависимыми лицами, то в отношении этой совокупности должны соблюдаться общие условия, при наличии которых такие сделки признавались бы контролируемыми, будучи совершенными между взаимозависимыми лицами.

Для совершаемых внутри страны сделок взаимозависимых лиц п. 2 ст. 105¹⁴ Кодекса установлен суммовой порог, при недостижении которого эти сделки не могут являться предметом контроля в соответствии с разделом V¹ Кодекса. Налогоплательщиком данное пороговое значение превышено не было, а значит обязанность по представлению уведомления у него отсутствовала.

6. Предусмотренное разделом V¹ НК РФ право суда учесть любые обстоятельства, имеющие значение для определения соответствия примененной налогоплательщиком цены рыночному уровню, не может служить основанием для отступления от установленных законом правил исчисления налогов по контролируемым сделкам.

Изучение судебной практики показало, что суды не во всех случаях дают оценку правильности избранного налоговым органом метода определения рыночной стоимости товаров (работ, услуг), допускают возможность отступления от установленных законом правил определения рыночной цены для целей налогообложения.

В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее.

На основании п. 11 ст. 105⁷ НК РФ судом могут быть учтены иные обстоятельства, имеющие значение для определения соответствия цены, примененной в сделке, рыночной цене, без ограничений, предусмотренных общими положениями раздела V¹ НК РФ о ценах и налогообложении (глава 14² Кодекса) и правилами применения методов определения доходов (прибыли, выручки) (глава 14³ Кодекса).

Аналогичная норма ранее содержалась в п. 12 ст. 40 НК РФ.

Однако, как следует из п. 1 ст. 105³ Кодекса, в отличие от ранее предусмотренного ст. 40 НК РФ регулирования, положения раздела V¹ Кодекса устанавливают как правила налогового контроля, обязательные для ФНС России, так и правила исчисления налогов, которым должны следовать налогоплательщики в связи с совершением ими контролируемых сделок.

В силу закрепленного п. 6 ст. 3 НК РФ принципа определенности налогообложения правила исчисления налогов по контролируемым сделкам, которым следуют налогоплательщики, и правила, которые применяются налоговыми органами при осуществлении налогового контроля, не должны быть различными.

В связи с этим п. 11 ст. 105⁷ НК РФ не может служить основанием для отступления от установленных законом правил, касающихся определения сопоставимости коммерческих и (или) финансовых условий сделок и выбора используемой при этом информации (ст.ст. 105⁵—105⁶ Кодекса), выбора приоритетного метода определения доходов (прибыли, выручки) в сделках, сторонами которых являются взаимозависимые лица (п. 3 ст. 105⁷ Кодекса), или изменения установленного порядка расчета доходов (прибыли, выручки) с использованием соответствующего метода.

Предназначением п. 11 ст. 105⁷ НК РФ является исключение тех ситуаций, когда формальное применение положений глав 14²—14³ Кодекса способно привести к необоснованной корректировке налоговой базы, не отвечающей цели, установленной в абз. 1 п. 1 ст. 105³ НК РФ, — устранение влияния, которое было оказано на налоговую базу взаимозависимостью участников сделки.

В частности, на основании п. 11 ст. 105⁷ НК РФ налогоплательщик вправе приводить доказательства того, что неполучение им дохода (прибыли) в размере, определенном налоговым органом с применением установленного главой 14³ Кодекса метода, не являлось следствием взаимозависимости участников контролируемой сделки, а имело иные экономические причины; обосновывать, что вменяемая ему экономическая выгода была учтена для целей налогообложения при совершении других операций и т.п.

7. Отчет об оценке рыночной стоимости может приниматься в качестве доказательства по спорам, связанным с корректировкой налоговой базы в соответствии с разделом V¹ НК РФ, только в установленных в данном разделе случаях. При этом отчет признается надлежащим доказательством, если он позволяет сделать вывод об уровне дохода (прибыли, выручки) по контролируемым сделкам, который действительно мог быть получен налогоплательщиком.

Хозяйственное общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения налогового органа, которым ему с применением результатов независимой оценки был доначислен налог на прибыль организаций и налог на добавленную стоимость в отношении операций по сдаче в аренду нежилых помещений.

Удовлетворяя требования общества, суд первой инстанции, среди прочего, обратил внимание на следующее.

В соответствии с п. 4 ст. 40 НК РФ рыночной ценой товара (работы, услуги) признается цена, сложившаяся при взаимодействии спроса и предложения на рынке идентичных (а при их отсутствии — однородных) товаров (работ, услуг) в сопоставимых экономических (коммерческих) условиях.

Используемое же в оценочной деятельности понятие рыночной стоимости определено ст. 3 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” (далее — Закон об оценочной деятельности) как наиболее вероятная цена, по которой объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства.

Таким образом, понятие рыночной стоимости, применяемое в оценочной деятельности, имеет вероятностный характер и не во всех случаях учитывает возможность реального совершения сделки на соответствующих условиях.

Исследовав представленный налоговым органом отчет об оценке, суд пришел к следующему выводу: состояние спроса на аренду помещений оценщиком во внимание не принималось, что в совокупности с иными допущенными оценщиком нарушениями не позволяет принять этот отчет в качестве источника сведений, необходимых для корректировки налоговой базы.

Постановлением суда апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, решение суда оставлено без изменения.

Разрешая аналогичные споры в условиях действия раздела V¹ НК РФ, необходимо учитывать, что использование отчета об оценке рыночной стоимости в целях осуществления корректировок налоговых баз допускается законом:

в качестве источника информации, используемой при сопоставлении условий сделок, если сведения о сопоставимых сделках, совершенных самим налогоплательщиком с лицами, не признаваемыми взаимозависимыми, а также иные источники сведений, перечисленные в п. 1 ст. 105⁶ НК РФ, отсутствуют или являются недостаточными (подп. 3 п. 2 ст. 105⁶ Кодекса); вместо методов определения доходов (прибыли, выручки), предусмотренных главой 14³ НК РФ, если налогоплательщиком совершена разовая сделка, а указанные методы не позволяют определить соответствие цены рыночному уровню (п. 9 ст. 105⁷ Кодекса).

Оценивая доказательную силу отчета об оценке, в этих случаях необходимо принимать во внимание, что в силу абз. 1 п. 1 ст. 105³ Кодекса под рыночными ценами для целей НК РФ понимаются цены, применяемые в сделках, сторонами которых являются лица, не при-

знаваемые взаимозависимыми. Таким образом, как и ранее, закон исходит из сопоставления условий контролируемой сделки прежде всего с условиями фактически совершенных независимыми контрагентами сопоставимых сделок (фактическими показателями деятельности).

Кроме того, если в соответствии с законодательством Российской Федерации при совершении сделки проведение оценки является обязательным, согласно п. 10 ст. 105³ НК РФ стоимость объекта оценки, определенная оценщиком в соответствии с законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности, является основанием для определения рыночной цены для целей налогообложения.

8. При разрешении вопроса о назначении экспертизы по спорам, связанным с применением раздела V¹ НК РФ, следует принимать во внимание, направлено ли проведение экспертизы на устранение недостатков налоговой проверки либо она необходима для устранения сомнений в достоверности и противоречий в представленных доказательствах.

Как показало изучение судебной практики, суды по-разному подходят к разрешению вопроса о необходимости назначения экспертизы при разрешении споров, связанных с оспариванием цен, применяемых при налогообложении, сталкиваясь с трудностями при оценке целесообразности проведения экспертизы, определении круга вопросов, которые должны быть поставлены перед экспертом.

В связи с этим необходимо учитывать следующее.

Поскольку заключение эксперта является одним из доказательств по делу, а судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, назначение экспертизы не должно быть направлено на восполнение недостатков проведенной в отношении налогоплательщика налоговой проверки, например в связи с недопустимостью и (или) недостоверностью заключения эксперта, полученного налоговым органом в порядке ст. 95 НК РФ, как доказательства.

В частности, в том случае, когда на разрешение эксперта налоговым органом в ходе проведения проверки ставился вопрос об определении рыночной стоимости предмета контролируемой сделки, заключение эксперта может быть признано недопустимым доказательством на основании ст.ст. 4 и 9 Закона об оценочной деятельности, если оно подготовлено лицом, которое не отвечало требованиям, предъявляемым к субъектам профессиональной оценочной деятельности (не являлось членом саморегулируемой организации оценщиков и не застраховало свою ответственность).

О недостоверности заключения эксперта по вопросу об определении рыночной стоимости, например, может свидетельствовать использование экспертом сведений об объектах-аналогах, очевидно не отвечающих критериям идентичности (однородности) и сопоставимости условий реализации.

В то же время назначение судебной экспертизы может быть обусловлено необходимостью устранения сомнений в достоверности представленных налогоплательщиком и налоговым органом доказательств при наличии противоречий между ними, когда эти сомнения (противоречия) не могут быть устранены судом самостоятельно.

В тех случаях, когда между налогоплательщиком и налоговым органом имеются неустраняемые разногласия о правильности применения методов определения для целей налогообложения доходов (прибыли, выручки), установленных главой 14³ Кодекса, на разрешение эксперта судом могут быть поставлены вопросы, выяснение которых требует наличия специальных экономических познаний, например касающиеся верности определения отдельных показателей, используемых

при применении этих методов, в частности указанных в ст. 105⁸ НК РФ финансовых показателей и интервалов рентабельности (судебно-экономическая экспертиза).

Кроме того, в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями в области экономики и финансов, по указанным вопросам арбитражный суд в соответствии со ст.ст. 55¹, 87¹ АПК РФ также может привлекать специалиста.

При этом необходимо иметь в виду, что заключение эксперта, консультация специалиста, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами. Оценка судом заключения, консультации должна быть полно отражена в решении.

9. Размер штрафа, налагаемого на налогоплательщика за непредставление в срок уведомления о контролируемых сделках (представление недостоверных сведений), не зависит от числа сделок, которые должны быть указаны в уведомлении.

Хозяйственное общество оспорило в арбитражном суде решение налогового органа, которым оно привлечено к ответственности за непредставление в срок уведомления о контролируемых сделках. Не оспаривая факт неисполнения обязанности по направлению уведомления, общество в то же время считало, что размер штрафа определен налоговым органом неверно.

По мнению налогоплательщика, установленный ст. 129⁴ НК РФ штраф налагается в однократном размере за факт непредставления уведомления о контролируемых сделках, в то время как налоговой инспекцией штраф определен по числу контролируемых сделок, не указанных в уведомлении.

Рассмотрев дело, суд пришел к выводу, что размер штрафа определен налоговым органом неправильно, и удовлетворил требования общества.

На основании п. 1 ст. 105¹⁶ НК РФ налогоплательщики обязаны уведомлять налоговые органы о совершенных ими в календарном году контролируемых сделках, указанных в ст. 105¹⁴ Кодекса.

Статьей 129⁴ НК РФ установлена ответственность в виде штрафа за неправомерное непредставление в срок уведомления о контролируемых сделках, представление недостоверных сведений в уведомлении о контролируемых сделках.

Данная норма закона является специальной по отношению к общим положениям об ответственности за непредставление в срок налоговому органу документов, необходимых для осуществления налогового контроля (п. 1 ст. 126 Кодекса).

Следовательно, ответственность налогоплательщика наступает за непредставление им в срок уведомления о контролируемых сделках как одного из документов налоговой отчетности.

Поэтому размер налагаемого согласно ст. 129⁴ НК РФ штрафа является твердым и не зависит от числа контролируемых сделок, которые подлежали указанию в уведомлении.

10. Недостоверное заполнение отдельных реквизитов уведомления о контролируемых сделках является основанием для привлечения налогоплательщика к предусмотренной ст. 129⁴ НК РФ ответственности, если допущенные при заполнении этих сведений ошибки могли препятствовать идентификации контролируемой сделки.

Хозяйственное общество направило в налоговую инспекцию уведомление о совершении более чем двухсот контролируемых сделок, в отношении четырех из которых были указаны ошибочные сведения о типе предмета сделки (товар вместо услуги) и месте ее со-

вершения (месте оказания услуги), что послужило основанием для вывода налогового органа о недостоверности представленных обществом сведений и его привлечении к налоговой ответственности, предусмотренной ст. 129⁴ НК РФ.

Не согласившись с решением налогового органа о привлечении к налоговой ответственности, общество оспорило его в арбитражном суде.

По мнению налогоплательщика, допущенная им ошибка не привела к недостоверности декларирования сведений, указанных в п. 3 ст. 105¹⁶ Кодекса, следовательно, событие правонарушения в его действиях отсутствует.

Суд удовлетворил требования общества, обратив внимание на следующее.

Суть декларирования, к которому относится и представление уведомления о контролируемых сделках, заключается в предоставлении информации, достаточной для первичного анализа и принятия мотивированного решения по вопросу о необходимости углубленного контроля, с истребованием расширенной информации, предусмотренной ст. 105¹⁵ НК РФ, и документов, подтверждающих соответствующие обстоятельства.

Перечень сведений, которые в обязательном порядке должны представляться налогоплательщиком в этих целях, в силу п. 3 ст. 105¹⁶ НК РФ ограничен четырьмя группами информации: календарный год, к которому относится уведомление; предметы сделок, сведения об их участниках, сумма полученных по сделкам доходов и (или) произведенных расходов.

Следовательно, для наступления налоговой ответственности за представление недостоверных сведений, предусмотренной ст. 129⁴ НК РФ, необходимо, чтобы допущенная налогоплательщиком ошибка в заполнении соответствующих реквизитов уведомления создавала препятствия для идентификации контролируемой сделки, прежде всего, ее предмета.

Рассмотрев дело, суд установил, что неправильное указание типа предмета сделки (товар вместо услуги) и места ее совершения не должно было препятствовать идентификации контролируемой сделки, поскольку ошибка в указании этой информации восполнялась правильным заполнением других сведений — наименования предмета сделки, сведений об исполнителе услуг.

Таким образом, допущенная обществом ошибка не могла препятствовать проведению первичного анализа уведомления и принятию мотивированного решения по вопросу о необходимости углубленного контроля.

Принимая во внимание, что событие налогового правонарушения при рассмотрении дела не установлено, решение о привлечении общества к ответственности признано судом недействительным.

11. Решение вопроса о привлечении к налоговой ответственности за непредставление в срок уведомления о контролируемых сделках (представление недостоверного уведомления) входит в компетенцию налоговой инспекции, в которую налогоплательщиком было или должно быть представлено такое уведомление.

Акционерное общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения межрегиональной налоговой инспекции о его привлечении к налоговой ответственности, предусмотренной ст. 129⁴ НК РФ.

Как установил суд при рассмотрении дела, общество представило в межрегиональную инспекцию по месту своего учета уведомление о контролируемых сделках, но не отразило в уведомлении ряд сделок, совершенных с компаниями, местом регистрации которых являются Британские Виргинские острова, и при-

знаваемых контролируемыми на основании подп. 3 п. 1 ст. 105¹⁴ Кодекса.

По мнению налогоплательщика, решение о его привлечении к налоговой ответственности вынесено межрегиональной налоговой инспекцией с превышением компетенции, поскольку в силу ст. 105¹⁷ НК РФ проверка полноты исчисления и уплаты налогов в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами отнесена к исключительным полномочиям ФНС России.

Суд с такими доводами не согласился и отказал в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

В силу ст. 101⁴ НК РФ при обнаружении фактов, свидетельствующих о нарушениях законодательства о налогах и сборах, должностное лицо налогового органа обязано составить об этом акт, а руководитель (заместитель руководителя) — принять решение по вопросу привлечения к налоговой ответственности.

Согласно п. 2 ст. 105¹⁶ НК РФ сведения о контролируемых сделках указываются в уведомлениях о контролируемых сделках, направляемых налогоплательщиком в налоговый орган по месту его нахождения (крупнейшими налогоплательщиками — в налоговый орган по месту их учета), после чего в силу п. 5 данной статьи уведомление в течение десяти дней со дня его получения направляется налоговой инспекцией в ФНС России.

Следовательно, вопрос о привлечении общества к налоговой ответственности по ст. 129⁴ Кодекса мог быть решен руководителем налоговой инспекции, в которую было представлено уведомление и должностным лицом которой выявлены нарушения, допущенные обществом.

Поскольку вменяемое обществу правонарушение выявлено должностным лицом инспекции до передачи уведомления в ФНС России (истечения срока передачи), не отраженные в уведомлении сделки не относились к числу упомянутых в п. 10 ст. 105¹⁴ НК РФ, следовательно, оспариваемое решение о привлечении к налоговой ответственности принято межрегиональной налоговой инспекцией в пределах ее полномочий.

Судами апелляционной и кассационной инстанций решение суда оставлено без изменения.

12. Суд вправе признать контролируемой задолженность по долговым обязательствам перед иностранной компанией в целях применения п. 2 ст. 269 НК РФ, если иностранная компания, участвующая в капитале налогоплательщика, имела возможность оказывать влияние на принятие решения о предоставлении займа связанным с ней лицом.

По результатам проведенной в отношении акционерного общества выездной налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу о необоснованном включении в состав внереализационных расходов при исчислении налога на прибыль процентов, начисленных по займам, предоставленным налогоплательщику иностранной организацией — налоговым резидентом Австрии.

Проценты были учтены налогоплательщиком в полном размере, тогда как, по мнению налогового органа, их следовало учесть в составе внереализационных расходов по правилам, предусмотренным п. 2 ст. 269 НК РФ, т.е. с учетом предельной величины.

Не согласившись с решением налоговой инспекции, общество оспорило его в арбитражном суде.

Разрешая спор, суд первой инстанции установил, что более 20% в капитале общества принадлежит иностранной компании, что согласно п. 2 ст. 269 НК РФ является основанием для отнесения соответствующей задолженности по долговым обязательствам к контролируемой.

Названная иностранная компания является аффилированным лицом по отношению к другой иностранной организации, выступившей займодавцем по договору с обществом, но не участвующей в капитале налогоплательщика (т.н. иностранная сестринская компания).

Поскольку аффилированность означает наличие возможности оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности, суд заключил, что задолженность общества по долговым обязательствам перед иностранной сестринской компанией для целей налогообложения может считаться возникшей перед иностранным участником налогоплательщика.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда и удовлетворил требования общества.

Как отметил суд, перечень случаев, когда задолженность по долговым обязательствам признается контролируемой, определен в п. 2 ст. 269 Кодекса исчерпывающим образом. Данная норма не предусматривает возможность признания в качестве контролируемой задолженности перед иностранной организацией, не участвующей в капитале налогоплательщика — заемщика.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе налогового органа, суд округа пришел к выводу о правильности решения суда первой инстанции, указав при этом следующее.

Примененной налоговым органом нормой законодательства о налогах и сборах (п. 2 ст. 269 Кодекса) введено ограничение для налогоплательщиков — российских организаций при учете ими процентов по долговым обязательствам перед компаниями, доминирующими в различных формах в деятельности налогоплательщика. Указанное ограничение вводится при таком построении бизнеса российской компании, когда имеет место высокая доля долга (контролируемая задолженность более чем в три раза превышает собственный капитал налогоплательщика), аффилированность заемщика и кредитора, отсутствие факта погашения долгового обязательства.

Данные признаки с точки зрения законодателя соответствуют особым (нерыночным) условиям совершения операций между ассоциированными предприятиями, при наличии которых ст. 9 Конвенции между Правительством РФ и Правительством Австрийской Республики от 13 апреля 2000 г. “Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал” (далее — Конвенция) допускается соответствующая корректировка налогооблагаемой прибыли.

Применение п. 2 ст. 269 НК РФ при этом возможно не только в случае прямой, но и при косвенной связи между российским налогоплательщиком — получателем займа и иностранной компанией, которая или через которую ему предоставляются денежные средства, где косвенная зависимость российского налогоплательщика от иностранной компании, выдавшей заем, может выражаться в подконтрольности обеих компаний единому центру — материнской компании.

Принимая во внимание предоставление займа на нерыночных условиях, аффилированность займодавца и материнской иностранной компании налогоплательщика, налоговый орган был вправе исходить из того, что эта сделка в действительности была совершена в силу влияния, оказанного иностранной компанией, участвующей в капитале общества, что влечет применение п. 2 ст. 269 Кодекса. Доказательства обратного со стороны налогоплательщика представлены не были.

Не доказано налогоплательщиком и то обстоятельство, что произведенная налоговой инспекцией по правилам п. 2 ст. 269 НК РФ корректировка прибыли превысила размер, необходимый с точки зрения ст. 9

Конвенции, или иным образом вошла в противоречие с данной нормой международного договора.

13. Возникновение контролируемой задолженности в результате выдачи займа российской организацией приводит только к ограничению вычета процентов у заемщика при исчислении налога на прибыль.

Хозяйственным обществом (заемщик) и другой компанией (займодавец), зарегистрированными в Российской Федерации, заключено несколько договоров займа с начислением процентов.

Акционером компании, владеющим 99,9% акций при этом, являлась иностранная фирма, зарегистрированная в Республике Кипр. Поскольку компания являлась участником общества, обладая 90% его уставного капитала, доля косвенного участия иностранной фирмы в капитале общества, таким образом, составляла не менее 89%.

По результатам проведенной в отношении общества налоговой проверки инспекция признала задолженность по договорам займа, заключенным обществом и компанией, контролируемой в соответствии с п. 2 ст. 269 НК РФ. Кроме того, налоговый орган пришел к выводу о том, что вопреки п. 4 ст. 269 Кодекса общество не исполнило обязанности налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога с доходов иностранной фирмы, полученных в виде дивидендов, сочтя в качестве таковых проценты по контролируемой задолженности, выплаченные компанией.

Не согласившись с выводами налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд, решением которого произведенные доначисления признаны незаконными.

Суд указал, что п. 4 ст. 269 НК РФ не распространяется на те случаи, когда при погашении долгового обязательства проценты выплачиваются между двумя российскими организациями.

Постановлением суда апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, решение суда отменено и в удовлетворении требований общества отказано.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе налогоплательщика, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Одним из последствий отнесения задолженности по долговому обязательству к контролируемой является то, что в соответствии с п. 4 ст. 269 НК РФ сумма процентов, признаваемая по правилам п. 2 данной статьи избыточной (положительная разница между фактически начисленными и предельными процентами), приравнивается в целях налогообложения к дивидендам, уплаченным иностранной организацией.

Вместе с тем согласно п. 1 ст. 24 Кодекса обязанность налогового агента может состоять в перечислении в бюджет лишь тех сумм налога, обязанность по уплате которых, в свою очередь, лежит на налогоплательщике, т.е. при наличии объекта налогообложения.

Объектом налогообложения для иностранных организаций, не осуществляющих деятельность в Российской Федерации через постоянные представительства, в соответствии со ст. 247 НК РФ являются доходы, полученные ими от источников в Российской Федерации, к числу которых в силу подп. 1 п. 1 ст. 309 Кодекса относятся дивиденды, выплачиваемые иностранной организации — акционеру (участнику) российской организации.

Статусом налогового агента при этом согласно п. 1 ст. 310 НК РФ наделяются организации, производящие выплату дохода соответствующей иностранной организации.

Таким образом, возникновение обязанности по исчислению, удержанию и перечислению в бюджет налога

с доходов иностранной организации, включая налог с дивидендов, обусловлено их реальной выплатой в пользу иностранной организации — получателя дохода.

Кроме того, п. 4 ст. 269 НК РФ применяется в целях пресечения ухода иностранных организаций от налогообложения в Российской Федерации в тех случаях, когда под видом процентов им выплачиваются дивиденды и, как следствие, налог у источника выплаты не удерживается (в силу установленных международными соглашениями об избежании двойного налогообложения пониженных ставок налога при выплате процентов или полного освобождения данных выплат от налогообложения).

Между тем обстоятельств, которые бы указывали на скрытую выплату дивидендов обществом в пользу иностранной фирмы, в данном деле не установлено.

14. Если выплачиваемый иностранному лицу доход признается дивидендами в результате изменения квалификации этого платежа на основании п. 4 ст. 269 НК РФ, такое изменение учитывается при определении права иностранного лица (налогового агента) на применение пониженной налоговой ставки для дивидендов, предусмотренной международным соглашением об избежании двойного налогообложения.

Хозяйственное общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к налоговой инспекции о признании недействительным решения, которым ему, с применением п. 4 ст. 269 НК РФ, доначислен налог при выплате процентов в пользу иностранного участника общества. В качестве должной налоговой ставки для удержания налога налоговым органом применена ставка 15%, предусмотренная подп. 3 п. 3 ст. 284 Кодекса.

Налоговая инспекция требования общества не признала, указав, что проценты возникли из задолженности, которая признается контролируемой согласно п. 2 ст. 269 НК РФ, и на основании п. 4 этой статьи подлежат переквалификации в дивиденды в соответствующей части. При этом отраженный в бухгалтерском учете уставный капитал налогоплательщика не достигал того значения, при котором в отношении дивидендов могла быть применена пониженная ставка удержания, предусмотренная международным соглашением об избежании двойного налогообложения.

Суд удовлетворил требования общества, обратив внимание на следующее.

Участником налогоплательщика, в отношении которого российской организацией выплачивался доход, являлась иностранная компания с постоянным местонахождением в Испании. В связи с этим при разрешении спора надлежит учитывать положения Конвенции между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания от 16 декабря 1998 г. “Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал” (далее — Конвенция).

Как следует из подп. “b” п. 2 ст. 10 Конвенции, при взимании в Российской Федерации налога с выплачиваемых дивидендов ставка налога не должна превышать 10% от общей суммы дивидендов, если имеющая фактическое право на дивиденды компания вложила в капитал компании, выплачивающей дивиденды, не менее 100 тыс. ЭКЮ или эквивалентную сумму в любой другой валюте.

Определяя выплачиваемые обществом суммы в качестве дивидендов в результате их переквалификации из процентов, основанной на положениях п. 4 ст. 269 НК РФ, и будучи последовательным в определении действительного экономического содержания операций, налоговый орган должен был учесть сумму предоставленного обществу займа в соответствующей части в качестве вклада в капитал этой российской организации.

Такой подход к определению понятия “капитал” в целях применения подп. “b” п. 2 ст. 10 Конвенции в случаях изменения квалификации выплаченных процентов в дивиденды является общепринятым (подп. “d” п. 15 комментариев к ст. 9 Типовой модели Конвенции по налогам на доход и капитал ОЭСР).

Поскольку размер вложенного обществом капитала, исчисленный с учетом произведенной налоговым органом переквалификации, отвечал установленным подп. “b” п. 2 ст. 10 Конвенции требованиям, у налоговой инспекции в силу п. 1 ст. 7 НК РФ отсутствовали основания для применения к выплаченным дивидендам налоговой ставки, превышающей 10%.

Суды апелляционной и кассационной инстанций оставили решение суда без изменения, признав сделанные им выводы правильными.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
16 февраля 2017 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru

<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 24.08.2017.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,60. Тираж 9058 экз. Заказ 6808.

Отпечатано в ООО “АЛАТЫРЬ”.
115114, г. Москва, пер. 2-й Кожевнический, д. 1, комн. 11.
Телефон: 926-153-58-94.
E-mail: alatisru02@gmail.com
